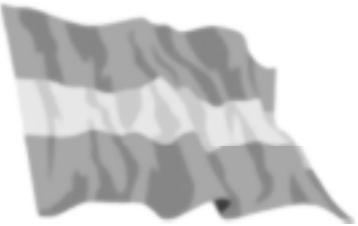

БЛІЗКАЕ СУМЕЖЖА ЛАТВІЯ

Илга Апине (Рига)

МЕСТО БЕЛОРУСОВ ЛАТВІИ В РЯДУ ДРУГИХ НАРОДОВ

Белорусы Латвии рядом с латышами и в постоянном общении с ними и другими народами занимают свое прочное и древнее место. Близость белорусского и латышского народов определяется многими факторами: принадлежностью к одной семье индоевропейских народов, к одному геополитическому пространству. Отсюда постоянные территориальные пересечения, цивилизационное сходство, близость культур и образа жизни.

ЧЕРТЫ СХОДСТВА В ПРОЦЕССЕ ЭТНОГЕНЕЗА

Археологи, антропологи, лингвисты раскрыли особенности этногенеза белорусов — наличие балтского субстрата (В. Седов, Г. Штыхов, Е. Ширяев, В. Свяжинский). При расселении древних восточнославянских племен в V—VIII вв. на территории современной Беларуси сложился симбиоз славянских и балтских культур. Ятвяги и латгалы были ославянены, влились в белорусское тело. Балтский элемент остался в славянском море, продолжает свое вечное, генетическое, существование, но уже в другом этническом качестве. Отражение этого явления — антропологическая близость, балтские элементы в белорусских говорах, тоponимика.

Параллельно с этим процессом в V—VIII вв. в ходе переселения славян на территории современной Литвы и Латвии могли оставаться островки славян — «тутэйших». Вероятна автохтонность белорусов в таких местах Латвии, как Пылда, Пиедруя, Истра, Индрица. Здесь протекал их этногенез — и не в отрыве от основного массива белорусов, учитывая дальнейшую историю этих мест.

КОНТАКТЫ СОСЕДЕЙ – ЛАТГАЛОВ И КРИВИЧЕЙ

Ближайшие восточные соседи латгалов — полоцкие кривичи. Главные поселения тех и других находились на одной и той же реке — Двине, Даугаве. Торговые, культурные и политические контакты складывались естественно и закономерно. Существует обширная литература (в Латвии — работы историков Э. Мугуревича, В. Уртана, Р. Денисовой, Я. Граудониса), подтверждающая факт, что между кривичами и латгалами существовал интенсивный обмен и что невозможно зафиксировать отчетливую границу между ними. Сложилась широкая географическая и культурная зона, где было смешанное население, перемешивались этнические традиции. О том же свидетельствуют исследования Владимира Свяжинского в Беларуси. Близость с кривичами навечно зафиксирована в латышском языке в этнониме «криевс». Православные церкви в Кокнессе, Талаве, Ерске и др. были связаны с Полоцкой епархией. До вторжения крестоносцев у названных городов существовали и политические контакты — они были данниками Полоцкого княжества.

Духовная народная культура обоих народов содержит много общего. Исследования специалистов говорят о сходстве ритмики и мелодий в народной музыке (М. Голдин), одежде (А. Зариня), наименованиях предметов быта (Р. Меркене), пословицах и поговорках (Э. Кокаре).

ВКЛАД БЕЛОРУСОВ В РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ЛАТВИИ

Белорусы издавна выделялись развитой городской культурой: в IX–XIII вв. у белорусов насчитывалось 35 городов. Основной же массив белорусов Латвии очень долго составляли крестьяне Латгалии. Долго в тени оставалась роль белорусов в развитии городской жизни Латвии: Риги, Даугавпилса, Екабпилса. На самом же деле в средневековой Риге присутствие белорусов (их называли литвинами либо поляками) — постоянное явление. Ригу с Полоцком и Витебском связывали тесные торговые отношения. Ранней весной на стругах и плотах по Даугаве спускались торговцы, рабочие и ремесленники из Витебска, Полоцка и других мест, оставались в Риге до конца сезона. В течение лета Рига принимала до 1000 таких судов. Таким образом, десятки тысяч белорусов интенсивно участвовали в торговой жизни города, строили здесь свои склады, церкви (описана история четырех церквей в Риге, построенных для нужд белорусов), некоторые укоренились и вливались в состав городских жителей.

Существует такая версия о возникновении города Екабпилса. В середине XVII в., во время царствования в России царя Алексея Михайловича, стотысячное русское войско вторглось на территорию Беларуси. Спасаясь от опустошений, «толпа белорусов» привычным способом спустилась по Даугаве и основала mestечко Слободу на левом берегу реки (1654–1655 гг.). Курземский герцог Якоб благоволил городам и уже в 1670 г. пожаловал

Слободе статус города, который был назван по имени герцога Якобштатом. Горожане получили привилегии, какое-то время здесь существовал униатский храм. Город не сохранил белорусский облик, но всегда был этнически более пестрым, чем другие города Курземе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ ЛАТГАЛИИ И БЕЛАРУСИ

Восточная часть Латвии, Латгалия, находится на границе балтского и славянского ареалов, культур и является своеобразным этнокультурным феноменом. Контакты этносов, конфессиоанальных общин не вызывали этнических конфликтов, напротив, привели к большей открытости населения, к традициям мультикультурности. Корни латвийских белорусов, которые ныне расселились по всей Латвии — именно в Латгалии.

Беларусь и Латгалия 355 лет (1562–1917) непрерывно находились в составе одного государства. Сначала это было Великое Княжество Литовское, у которого была уния с Польшей, а затем — Российская империя. Между Латгалией и Беларусью не существовало никаких границ. Была одна административная власть (очень долго административным центром Латгалии являлся Витебск), одни и те же законы (долго действовал Литовский статут), одинаковый хозяйственный уклад. Другие культурно-исторические области Латвии (Видзeme и Курземe) развивались в то время иными путями. Естественно, что у населения Латгалии и Беларуси существовала и психологическая близость. В сознании белорусов укоренилось представление, что Латгалия — не чужая земля. Поэтому и переезд туда из Полоцка, Могилева или Витебска не воспринимался как эмиграция.

БЕЛАРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В НЕЗАВИСИМОЙ ЛАТВИИ (1920–1940 гг.)

Политические условия и моральная атмосфера в первой Латвийской Республике, особенно, в 1919–1934 гг., всемерно благоприятствовали подъему национального самосознания национальных меньшинств, которые составляли половину населения Латгалии. Национальное возрождение белорусской культуры в Латвии может показаться чудом, если учесть, что прежде белорусы в Латвии не заявляли о своих культурных потребностях и не имели опыта создания школ, обществ и др. Однако национальное возрождение белорусского народа в начале XXв., очагами которого были города Беларуси и Вильно, оставили и здесь свой след. Интеллектуальные силы копились, зрели и пробились наружу, когда для этого открылись благоприятные условия. Белорусская интеллигенция (К. Езавитов, С. Сахаров, М. Демидов, И. Харлап) сумела создать несколько культурно-просветительских обществ («Бацькаўшчына», «Беларуская хата», «Рунь» и др.), около 40 школ, две белорусские гимназии, два театра — в Риге и Даугавпилсе, свою печать — газету «Голос белоруса» и несколько журналов. В основе

активности белорусов Латвии — реально действующая в Латвии модель культурно-национальной автономии, государственные субсидии, поддержка местных властей и латышской интеллигенции (Я. Райнис, П. Залит, З. Мейерович).

УЧАСТИЕ БЕЛОРУСОВ ЛАТВИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1988–1999 гг.)

Около 100 тысяч белорусов Латвии связали свою судьбу с независимым латвийским государством. Одновременно с национальным возрождением латышского народа в конце 80-х гг. наметился подъем национального самосознания национальных меньшинств и началось создание национально-культурных обществ. Культурное общество «Світанак» было одним из первых, возникших осенью 1988 г. одновременно с созданием Народного фронта Латвии. Белорусы Латвии входят в состав Ассоциации национально-культурных обществ Латвии (АНКОЛ), занимают прочное положение в культурной среде Риги, Даугавпилса, Вентспилса и других городов. Они проявили свои интеллектуальные и организаторские способности (В. Целеш, Т. Козак, Г. Бучель, А. Карпович, С. Володька и др.), возродив культурные традиции своей деятельности 20–30-х гг.

В активе белорусов Латвии — несколько культурных обществ («Світанак» и «Прамень» в Риге, «Уздым» в Даугавпилсе, «Спадчына» в Вентспилсе), аккредитованная начальная школа в Риге (директор В. Целеш), газета «Прамень», фольклорные ансамбли, воскресные школы. Белорусы активно участвуют в фестивалях культуры национальных меньшинств. Масштабными были Дни культуры, искусства и традиций белорусского народа в июле 1999 г. в Риге. Белорусский язык расширил свои функции, вышел за пределы бытового общения. На белорусском языке идут занятия в дневной школе в Риге и в воскресных школах. В Даугавпилском педагогическом университете на отделении славистики белорусский язык изучается на академическом уровне: читаются курсы белорусского языка и литературы.

Будущее белорусов Латвии, у которых есть историческое ядро, есть корни в Латгалии и традиции собственной культурной деятельности, зависит и от активности самих белорусов, от заинтересованности в сохранении своей национальной специфики. Разработанная в Латвии и принятая правительством Программа интеграции общества Латвии предполагает интеграцию национальных меньшинств во все сферы деятельности, а также сохранение их национальной идентичности.

Эрик Екабсонс (Рига)

БЕЛОРУСЫ В ЛАТВИИ В 1918–1940 ГОДАХ *

В исторической литературе до 1940 г. вопрос об образовании белорусского меньшинства в Латвии представлен относительно широко. Но в большинстве случаев делалось это субъективно и тенденциозно, не принимая во внимание национальную самобытность и отрицая существование национальных проблем белорусского меньшинства в Латвии¹.

В 90-е гг. в Латвийской Республике к проблемам белорусского меньшинства обратилась И. Апине, главным образом затрагивая вопросы этногенеза и развития белорусского меньшинства в наше время, менее освещая деятельность белорусов в 1918–1940 гг. и совсем не касаясь времен немецкой оккупации. К сожалению, в ее работах не использованы документы, имеющиеся в Латвийском государственном историческом архиве².

По сравнению с другими меньшинствами численность белорусов в Латвии в разные годы переписи населения менялась весьма существенно. Это объяснялось низким уровнем национального самосознания, который в известное время, особенно в начале 20-х гг., позволяет данную национальную группу считать не только национальной, но частично и социальной группой, состоящей из крестьян латышского, русского или польского происхождения со слабым или вообще не выработанным национальным самосознанием.

Во времена народной переписи в 1920 г. зарегистрировано 75 тыс. белорусов, в 1925 г.— 38 тыс., в 1930 г.— 36 тыс., а в 1935 г.— только 27 тыс. человек. Учитывая специфику прохождения переписи населения в отдельных волостях и городах южной Латгалии и Илукстского уезда, когда искусственно увеличивалось число латышей за счет белорусов, поляков и русских, можно сказать, что перепись 1930 г. дает самую объективную картину. Согласно этой переписи большая часть белорусов жила в Латгалии (22 306) и Земгале (главным образом в Илукстском уезде— 13 800). В Риге проживало 4 751 человек, а в Курземе— только 992 человека. Большинство из них были гражданами Латвии (34 499). Большая часть белорусов были католики (22 220) и православные (9 820), 105 человек исповедывали лютеранство, а 4 424 человека принадлежали к другим конфессиям (в том числе старообрядцам).

Среди белорусов наблюдался самый большой процент неграмотности (анalfabetизма) по отношению к другим крупным национальным меньшинствам—

* Даклад Э. Екабсонса друкуеца, як выключэнне, у павялічаным аб'ёме таму, што ў ім увядзіша ў навуковы ўжытак невядомыя раней архіўныя матэрыялы.

¹ См.: Kemps F. Latgales likteni. Riga, 1991; Krasnais V. Baltkrievi ka latviešu tautas zars. Riga, 1938 и др.

² См.: Apine I. Baltkrievi Latvija. Riga, 1995; Apine I., Volkovs V. Slavi Latvija. Riga, 1998.

только 59,7% умели писать, а 64,6% — читать³. Как данные, показывающие конфессиональную принадлежность, так и данные об образовании (уровень образования тесно связан с национальным самосознанием) доказывают уже высказанные утверждения о латышском или другом этническом происхождении определенной части белорусов Латвии.

Несомненно, что в начале 20-х гг. в Латгалии и Илукстском уезде в результате особых обстоятельств региона образовалась группа жителей, которых можно считать белорусами, хотя они существенно отличались от белорусов, живущих на юге Витебской губ., в Минской губ. и др. В 1903 г. белорусский ученый профессор Е. Карский констатировал, что самым северным пунктом, населенным белорусами, являются окрестности станции Карсава. Много белорусов проживало в Нирзской, Пасиенской, Ландскоронской, Истрской, Пилдской, Каунатской, Пустынской, Пиедруйской, Даугдской, Краславской и др. волостях⁴.

Хотя на территории Латвии уже в XIX в. было значительное количество белорусов, здесь не чувствовалось никакой деятельности национального характера. Это объяснялось очень низким уровнем образования и полным отсутствием национальной интеллигенции. Только лишь в 1905 г., во время революции, появляются первые белорусские кружки под руководством Гавронского, Эпимаха–Шипилло и других представителей белорусских семей. Но в результате послереволюционных репрессий со стороны власти их деятельность была полностью прервана. В те годы пассивно вели себя и позднейшие руководители белорусского национального движения, жившие в то время в Латвии. В известной мере оно проявило себя лишь в сентябре 1919 г., когда в Даугавпилсе состоялся конгресс 5-й армии, где был избран Белорусский национальный комитет. (В этой армии национальную белорусскую деятельность возглавил уроженец Даугавпилса, подпоручик 151 Пятигорского пехотного полка Константин Езавитов.) Уже в мае в Риге был организован кружок белорусов 12-й армии, а в июле в Валке Белорусский временный солдатский комитет этой армии. Но большевистский переворот и немецкая оккупация прервали активность белорусов на территории Латвии. Надо сказать, что белорусское население было слабо вовлечено в эти события. То же самое можно сказать о боях Белорусского батальона Литовской армии с Красной Армией летом и осенью 1919 г. на территории Илукстского уезда⁵.

³ Latvijas statistiska gada gramata. 1933. Riga, 1934. 9. lpp. В 1920 г. среди мужчин беларусов, умеющих читать, было 39%, а среди женщин — только 27%.

⁴ Jezovitovs K. Par baltkrieviem un lielkrieviem Latvija // Izglītības Ministrijas Menešraksts. 1923. Nr. 1. 60. lpp.

⁵ Latvijas Valsts vestures arhivs (Государственный исторический архив Латвии, далее — LVVA). 2125. f., 5. apr., 430. l., 16. lpp.; Езавітаў К. Становішча беларускай школы ў Латвіі // Спадчына. 1997. № 6. С. 91–99; Łatyszonk O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995. S. 46–47, 99–100.

Реальная национальная деятельность белорусов началась только в Латвийской Республике, в 1919–1920 гг., когда в Риге работала дипломатическая миссия Белорусской Народной Республики и консульство, а в Лиепае — консульство⁶. При поддержке этих институций осенью 1919 г. началось заметное белорусское общественно-политическое движение. В августе 1919 г. в Ригу являются многие общественные деятели из Гродненщины, 7 сентября состоялось первое общее собрание рижской белорусской «колонии», в котором приняло участие около 500 человек. Была избрана рада в составе 9 человек. Во время нападения Бермонта осенью 1919 г. рада приняла активное участие в сборе средств для нуждающихся жителей, а в ноябре послала своего представителя в Центральную раду Белорусской Народной Республики⁷.

В начале 1920 г. в Риге организуется и действует около года белорусское культурное и просветительное общество «Бацькаўшчына» под руководством местных жителей Якова Данилюка, Николая Найденова, Даниеля Кадорбы и секретаря Белорусской миссии Яна Черепука (комиссия прекратила работу после отъезда из Риги или Латвии ее активных руководителей)⁸. В марте 1920 г. оно издало журнал «На чужыне». Это был первый и единственный номер, но в связи с тем, что в нем была помещена карта Белорусской Народной Республики, на которой в территорию этой республики входили часть Илукстского и часть Даугавпилского уездов, тираж был конфискован Министерством внутренних дел Латвии. Но после того, как руководитель миссии К. Езавитов убедил министра внутренних дел А. Берга, что тираж будет распространен только за границей, он был возвращен⁹. При поддержке белорусской миссии были организованы курсы белорусской культуры¹⁰. В связи с прекращением работы миссии Белорусской Народной Республики в Риге в конце 1920 г. и в связи с переездом многих белорусских общественных деятелей в Литву, Чехословакию, Советскую Белоруссию и другие государства, постепенно в Риге снижается заметная в прежние годы белорусская национальная активность. Преимущественно руководство возглавляет бывший руководитель миссии К. Езавитов, который в конце 1921 г. получает гражданство Латвии¹¹.

В начале 20-х гг. национальное белорусское движение поддерживалось латвийскими органами власти. Основной причиной являлось либеральное

⁶ См.: Jekabsons E. Latvijas un Baltkrievijas Tautas Republikas attiecības (1919–1920) // Latvijas Arhīvi. 1996. Nr. 1–2. 35–41. lp.; Екабсон Э. Латвия и Белоруссия: Начало отношений (1919–1920) // Берасцейскі хранограф. Брэст, 1999. Вып. 2. С. 142–157.

⁷ Jaunakas Zinas. 1919. 1., 6. nov.; На чужыне. 1920. Сак.

⁸ LVVA. 1612. f., 14. apr., 11. l., 21., 23. lp.

⁹ LVVA. 1632. f., 2. apr., 493. l., 8. lpp.

¹⁰ Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 203.

¹¹ Jekabsons E. Latvijas un Baltkrievijas Tautas Republikas attiecības (1919–1920). 35–41. lp.

законодательство, которое очень толерантно подходило к вопросам культурного развития национальных меньшинств. Нужно сказать и об имеющемся в те годы дополнительном факторе, который нашел отражение в секретном письме заведующего даугавпилского школьного управления Себастьяна Паберза товарищу министра Доминику Яудзему от 15 апреля 1924 г. С. Паберзс говорит о сложном национальном положении в уезде, особенно подробно об открытии в 1921 г. нелегальных польских школ во многих местах, населенных преимущественно белорусами, о закрытии этих школ и о постоянном конфликте между поляками и белорусами. «Латыши должны поддерживать стремления белорусов, пока мы станем сильнее, этим мы ослабим польское влияние. Особенно этого следует придерживаться в шести волостях Илукстского уезда, о судьбе которых — присоединении к Польше — что ни день, то сильнее начинают заботиться шовинистически настроенные польские деятели [...] поэтому было бы лучше, пока, до переписи населения в 1925 г., усилить белорусское влияние. Этим мы ослабим опасное, даже с точки зрения государственных интересов, польское влияние, а одновременно усилим латвийскость»¹².

Позднее, в 20-е гг., и даже во второй половине 30-х гг., в упомянутых шести волостях (Калкунской, Борнской, Деменской, Скрудалинской, Силенской и Салиенской) старались регистрировать поляков как белорусов или латышей (часто белорусов — как латышей), иногда искажая данные переписи населения¹³. В целом нужно признать, что в продолжение 20–30-х гг. (особенно до 1934 г.) для белорусского меньшинства характерны напряженные отношения и с польским, и с русским общественными движениями, что обусловлено конкуренцией привлечения к себе крестьян с низким национальным сознанием (в Латгалии и Илукстском уезде), а также привлечением рабочих в Риге и Лиепае в свои школы и организации¹⁴.

Вышеупомянутый национальный конфликт находит отражение не только в Саёйме, самоуправлениях и школах, но и в католической церкви. Уже в декабре 1921 г. в только что организованном Белорусском управлении образования при Министерстве образования заведующий Сергей Сахаров¹⁵ обращается к архиепискому Латвии с просьбой назначить священников-белорусов в местах, населенных белорусами, чтобы впредь проповеди

¹² LVVA. 1632. f., 2. apr., 493. l., 120.–121. lpp.

¹³ См.: Jekabsons E. Sešu pagastu un Grivas pilsetas problema Latvijas un Polijas attiecibas 20.–30. gados // Latvijas Vestures Instituta Zurnals. 1995. Nr. 1. 96. lpp.; LVVA. 1308. f., 12. apr., 12780. l.

¹⁴ См.: 1632. f., 2. apr., 493. l., 1.–2. lpp.; Jezovitovs K. Baltkrievi Latvija // Latvijas Republika desmit pastavešanas gados / Galv. red. A. Bilmans. Riga, 1928. 53. lpp.

¹⁵ С. Сахаров с супругой В. Сахаровой поселились в Латвии в 1917 г., когда его назначили директором Люцинской гимназии. В 1945–1950 гг. он отбывал срок в советских трудовых лагерях, умер в Риге в 1954 г. Гл.: Беларуская пісьменніці: Біябіліяграфічны слоўнік. Мн., 1995. Т. 5. С. 261–262.

проводились не на польском, но для всех понятном «белорусском языке»¹⁶. В прессе развернулась полемика между директором управления и другими работниками, с одной стороны, и русскими и польскими представителями, с другой, которые старались доказать, что в Латвии белорусское движение создано искусственно¹⁷. Чрезвычайно сильную поддержку белорусам оказывал депутат Учредительного собрания Сазайма, позднее министр образования Янис Райнис. С просьбой поддержать формирование Белорусского отдела образования в 1921 г. к Райнису как члену парламентской комиссии образования обратился К. Езавитов¹⁸. Райнис считал, что нужно предоставить белорусам Латвии возможность развивать свою культуру, которой они лишены в Польше и СССР. Кроме того, он считал белорусское движение в Латвии аналогичным процессу возрождения латышского народа во второй половине XIX в.¹⁹. В связи с тем, что у белорусов не было своего представителя в парламенте, Я. Райнис согласился представлять интересы белорусского меньшинства и в 1921 г., в августе, получил официальное полномочие на то от общества «Бацькаўшчына»²⁰.

Открытие белорусских школ встретило сопротивление официальных учреждений, а также отдельных парламентских депутатов (во-первых, латгальского депутата Франциса Кемпа, поляка Яна Вержбицкого и русских депутатов), а также депутатов от самоуправлений²¹. 23 марта 1922 г. товарищ министра образования Валерия Сейле была вынуждена послать указание инспекторам начальных школ Илуксте, Даугавпилса, Резекне, Лудзы и Лудзенского уезда и школьным самоуправлениям, в котором указывала, что белорусы имеют такие же права на «национально-культурную автономию», как и другие, поэтому в местах с белорусским населением они имеют полное право на открытие школ²². В то же самое время В. Сейле на заседании бюджетной комиссии Сазайма, отвечая на возражения против финансирования Белорусского отдела образования, заметила, что белорусы в Латвии есть, хотя в других государствах существование такого народа не признается. Поэтому вполне обоснованно существование Белорусского отдела образования²³.

В начале 20-х гг. роль руководителя белорусской общественности взяло на себя культурное и просветительное общество «Бацькаўшчына». В апреле

¹⁶ LVVA. 2125. f., 5. apr., 102. l., 2. lpp.

¹⁷ См., напр.: Вержбицкий Я. Ещё о латвийских белорусах // Рижский курьер. 1923. 27 февр., 2 марта.; Jezovitovs K. Par baltkrieviem un lielkrieviem Latvijā. 55–61. lp. и др.

¹⁸ LVVA. 1612. f., 14. apr., 12. l., 139. lpp.

¹⁹ Šilde A. Latvijas vesture 1914–1940. Stockholm, 1976. 417. lpp.

²⁰ Герасимаў В. «Да праўды съветлай, братка, йдзі» // Полымя. 1994. № 4. С. 176.

²¹ LVVA. 2125. f., 5. apr., 104. l., 8.–9. lp.

²² LVVA. 1632. f., 2. apr., 487. l., 52. lp.

²³ Рижский курьер. 1923. 7 марта.

1921 г. в Даугавпилсе образовалось ее отделение под руководством К. Езавитова, Ивана Харлапа, украинца Якуба Кастилюка, Ивана Беликова, Ольги Васильевой и др., летом 1921 г.— в Лудзе, в ноябре— в Старой Слободе и в октябре 1922 г.— в Краславе. Целью организации, зафиксированной в уставе, было «распространение национальной идеи в народных массах». Это выражалось в открытии белорусских школ и в культурной деятельности. В 1923 г. была организована белорусская детская летняя колония в Вышках. Были также и попытки политической деятельности. Об этом говорит выработанный руководством общества в июле 1923 г. законопроект о статусе белорусского языка. Фактически имелось в виду присуждение белорусскому языку статуса государственного языка на части территории Латвии, чтобы свободно пользоваться им в Латгалии и в Илукстском уезде в государственных и самоуправленческих учреждениях, и даже в Саэйме можно было произносить речи на белорусском языке²⁴.

В 1922 г. при выборах в Саэйм белорусы выдвинули отдельный список кандидатов от Латгальского избирательного участка, но полученное число голосов было очень незначительным. В дальнейшем при выборах в Саэйм отдельный список больше не выдвигался, но в 1928 г. в Саэйм был избран один из ведущих белорусских общественных работников— начальник Белорусского отдела образования Владимир Пигулевский (от списка СДРП Латвии). Большое участие в предвыборной кампании приняло образованное в 1925 г. «Латвийское общество белорусских избирателей в Саэйм, в самоуправление городов, уездов и волостей» (председатель К. Езавитов). Общество было задумано как политическая организация с целью добиться избрания в Саэйм и другие представительства²⁵. Были образованы отделения в Риге, Даугавпилсе, Краславе, Индице, Лудзе, Пасиене, Пустыни, Каплаве и Тартаке (Салиенской вол. Илукстского уезда). В обществе было довольно много членов (только в даугавпилском отделении действовало в 1926 г. 55 членов и 8 кандидатов). В начале 30-х гг. общество прекратило свое существование из-за внутренних противоречий²⁶.

В 1924 г. органы власти констатировали, что в белорусской общественной деятельности наблюдаются те же признаки, что были характерны для польской деятельности. 20 марта 1924 г. инспектор начальных школ Даугавпилского уезда в Дудельской белорусской начальной школе заметил на стене класса карту, на которой значительная часть Латгалии была обозначена как входящая в Беларусь. 22 марта такая же карта была обнаружена в школе в Станкевичах. Белорусский отдел образования, правда, объяснял, что 50 экземпляров карты он получил в 1922 г. из Вильно и карта

²⁴ LVVA. 2125. f., 5. apr., 103. l., 5. lpp.; 1612. f., 14. apr., 12. l., 3., 4. –5., 86., 98., 231. lp.; 1612. f., 14. apr., 9. l., 534. lpp.

²⁵ Jezovitovs K. Baltkrievi Latvija. 53. lpp.

²⁶ LVVA. 3009. f., 1. apr., 3. l.

имеет не политический, а исключительно этнографический характер — на карте изображена не территория Беларуси, а всего лишь территории, населенные белорусами. Но отдел в свое время, мол, исправил название с «Карта Беларуси» на «Белорусская этнографическая карта». Поэтому непонятно, как в Дудельскую школу попала карта с неисправленным названием²⁷.

В обществе и прессе началась пропагандистская кампания против белорусских «сепаратистов»²⁸. В апреле 1924 г. ушел со службы директор Даугавпилской белорусской гимназии К. Езавитов, а 24 апреля — 15 мая политическое управление проверило гимназии в Лудзе и Даугавпилсе, а также все школы в Даугавпилском уезде. Семь деятелей были арестованы, и против них выдвинули обвинение в противогосударственной деятельности (22 мая — К. Езавитову, 13 июня — гражданам Латвии Владимиру Корте, Владимиру Пигулевскому, Михаилу Иванову, гражданам Литвы Ивану Красковскому, Андрею Яковицкому, Павлине Мядёлко-Гриб, украинскому подданному Порфирию Жердию). В связи с арестом директора и учителей выпускные экзамены в гимназии были отложены на более позднее время. Почти все арестованные через несколько дней были освобождены под залог. К. Езавитов находился в заключении 11 месяцев (до 3 апреля 1925 г. в даугавпилской тюрьме, затем — в рижской Центральной тюрьме). В свою очередь в конце 1924 г. из-за отсутствия доказательств было снято обвинение еще с восьми белорусских деятелей образования (С. Сахарова, Сергея Казеки, Николая Талерки, Я. Кастилюка, Александра Махновского, Елены Сушинской, Луции Габран и Эдуарда Вайвадиша). В январе 1925 г. был закрыт Белорусский отдел образования, уволены оба директора гимназии и многие учителя. 2–5 апреля дело рассматривалось в Латгалльском уездном суде, где все обвиняемые были оправданы. Суд констатировал, что «белорусское освободительное движение» направлено против Советской России и Польши, но не против Латвии. Однако у представителей власти для беспокойства было определенное основание. Во время следствия выяснилось (из сказанного обвиняемыми и свидетелями), что белорусское общество делится на три группы: 1) под руководством К. Езавитова и В. Пигулевского, которые выступали за федерацию Беларуси с Советской Россией; 2) под руководством Якубовского и П. Мядёлко-Гриб, выступавшей за независимость Беларуси, но в тесном сотрудничестве с Россией; 3) под руководством И. Красковского — группа выступала за независимость Беларуси, хоть признала, что пока нужно сотрудничать с Советской Беларусью на почве культуры. Таким образом, в политическом настроении руководителей белорусского меньшинства несомненно доминировала левая и даже просоветская ориентация²⁹. Сказанное подтверждает тот факт, что К. Езавитов с 1924 г.

²⁷ LVVA. 2125. f., 5. apr., 418. l., 13., 20. lp.

²⁸ Sk.: Рижский курьер. 1923. 27 апр.

²⁹ LVVA. 1612. f., 14. apr., 10. l., 1.–338. lp.; 9. l., 23. lpp.; 3235. f., 1/22. apr., 380. l., 187. lpp.

по 1935 г. сотрудничал с посольством СССР в качестве осведомителя под кличкой «Озолс»³⁰.

Сразу же после судебного процесса в 1925 г. из Латвии были высланы общественные деятели-иностранцы. Подданные Латвии — бывший директор Даугавпилской гимназии И. Красковский, который в 1921 г. был выслан из Польши в Литву, и высланная в свое время из Польши за национально-политическую деятельность П. Мядёлко-Гриб, перебрались в Советскую Беларусь³¹.

Так называемый «белорусский процесс» в Латгальском уездном суде вызвал определенный международный резонанс. В 1924 г. в связи с государственным праздником 18 ноября находящийся в Литве председатель Белорусской народной рады в своем поздравлении латвийскому президенту выразил уверенность, что «белорусский процесс» является «печальным недоразумением, вызванным врагами белорусского возрождения». Затем 10 января 1925 г. в письме латвийскому министру иностранных дел он утверждал, что ни один белорусский политик не думал об отторжении Латгалии от Латвии (вопрос границ будет решен в дальнейшем путем переговоров), никто не думает об отторжении территории у «дружественной нации», чтобы присоединить ее к Советской Беларуси, которая объявила вне закона национальных белорусских политиков. Находящиеся в изгнании белорусские деятели выступают за образование Союза балтийских государств (включая Беларусь), как единственно реальной силы, способной противостоять «русской и немецкой угрозе»³².

В 1925 г. Белорусский национальный комитет штата Иллинойс (США) собрал 3000 долларов заключенным в Латвии белорусам. Уже после освобождения К. Езовитова в письме к нему свою поддержку предлагал Комитет поддержки политзаключенных белорусов в Польше, находящийся в Чикаго³³.

После закрытия белорусской гимназии в Лудзе руководители белорусской организации обратились 21 июля к президенту Латвии с просьбой прекратить дальнейшие преследования и возобновить прежнюю деятельность белорусских образовательных учреждений³⁴. Однако в Министерство внутренних дел продолжала поступать информация о проявлениях белорусского сепаратизма в приграничных волостях Даугавпилского уезда со стороны учителей белорусских школ в волостях Пиедруя и Пустыня (П. Миронович, Н. Талерка, Э. Вайвадиш и др.). Между прочим, это выражалось в поддерживании особо активных связей с Советской Беларусью³⁵,

³⁰ Езовитов К. Воспоминания // Нёман. 1993. № 3. С. 132.

³¹ LVVA. 2750. f., 1. апр., 7. I., 1. lpp.; 1632. f., 2. апр., 493. I., 7., 62. lp.

³² LVVA. 2574. f., 3. апр., 245. I., 21.–22. lp.

³³ LVVA. 3235. f., 6. апр., 196. I.

³⁴ LVVA. 2750. f., 1. апр., 7. I., 1.–2. lp.

³⁵ LVVA. 1632. f., 2. апр., 493. I., 6. lpp.

а также с белорусскими организациями Литвы, Польши (главным образом в Вильно) и Чехословакии. Например, в сентябре 1921 г. в национально-политической конференции в Праге принимал участие К. Езавитов как представитель Даугавпилского и Лудзенского отделений «Бацькаўшчыны»³⁶.

Осенью 1925 г. К. Езавитов вместе с представителями из других государств организовал в Берлине II Общебелорусскую зарубежную конференцию, в которой приняли участие по пять представителей от каждого государства (члены правительства Белорусской Народной Республики и белорусские депутаты польского Сейма участвовали в качестве почетных гостей)³⁷.

В начале 20-х гг. в Лудзе и Даугавпилсе, а также во многих волостях (Пустыня, Пиедруя и др.) при выборах самоуправлений белорусы участвовали со своими списками кандидатов³⁸. При выборах в Даугавпилскую городскую думу выступали как своим списком, так и в списке ЛСДРП, позже — в списке независимых социалистов. В 1928 г. в думе было два белоруса (С. Сахаров — от национального списка)³⁹.

Довольно регулярно белорусская организация проводила общие собрания, где рассматривались важные вопросы. Например, перед выборами в Сейме 1928 г. представители организации на Вселатвийской белорусской конференции в Даугавпилсе 8 июля решали, какой список поддержать, и выбирали свою выборную комиссию. На этой конференции происходили острые дискуссии между сторонниками ЛСДРП и партии Латвийских независимых социалистов, куда вступило много белорусов, и эта партия уделяла большое внимание белорусским проблемам в своей газете «Värds» (Слово). Но большинством голосов было решено поддержать социал-демократов при условии, что в списки ЛСДРП будет включен В. Пигулевский⁴⁰. Фактически белорусская интеллигенция разделилась на две части: сторонников социал-демократов во главе с В. Пигулевским и Н. Демидовым и сторонников значительно более левой партии независимых социалистов во главе с К. Езавитовым (в одном частном письме он называл эту партию «самой левой партией в Латвии»). Перед этим К. Езавитов, В. Тихомиров, Петр Масальский и другие организовали белорусскую секцию этой партии. Сам К. Езавитов был избран членом правления Саркандаугавского отделения и председателем комитета отделения. Именно благодаря ему 21 июля 1928 г. на общем собрании было решено обратить особое внимание на вовлечение в партийную работу белорусских, русских, польских и латгалльских рабочих. Уже после запрещения партии независимых социалистов в 1928 г.⁴¹ К. Езавитов

³⁶ LVVA. 1632. f., 2. apr., 493. l., 9. lpp.

³⁷ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 123. lpp.

³⁸ Маяк. 1922. 3 июля.

³⁹ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 114. lpp.

⁴⁰ Там же. 113. lpp.; см. также 2125. f., 5. apr., 333. l., 45—46. lp.

⁴¹ LVVA. 1632. f., 2. apr., 499. l., 41. lpp.

в августе 1929 г. просил Белорусское государственное издательство выслать ему Собрание сочинений Ленина на белорусском языке. В 1928 г. К. Езавитов женился на гражданке СССР, латышке Матильде Лечмане⁴². Многие белорусы во главе с В. Пигулевским продолжали активную деятельность в ЛСДРП, но только 13 января 1934 г. 11 человек организовали белорусскую ЛСДРП (В. Пигулевский, Ф. и Я. Клагиши, М. и Л. Калинины, Я. Яхимович и др.), которая действовала до государственного переворота в мае 1934 г.⁴³. В. Пигулевский вместе с другими руководителями социалдемократии был арестован. С конца мая по 22 августа он находился в Лиепайском концентрационном лагере⁴⁴.

В декабре 1930 г. в Министерстве внутренних дел Латвии была зарегистрирована Белорусская демократическая партия. Правление ее работало в Даугавпилсе под руководством С. Сахарова. Цель этой партии — представлять интересы всего белорусского меньшинства, получить представительство в самоуправлениях и Саэйме. Но большой популярности и значения партия не приобрела⁴⁵.

В свою очередь, в декабре 1931 г. в Риге происходила Всеобщая белорусская конференция, организованная обществом «Беларуская хата», целью которой было избрать Национальный белорусский комитет, а также решать другие вопросы (организация экскурсий в Чехословакию, Литву, Западную Беларусь в Польше)⁴⁶.

В общем, можно сделать однозначный вывод, что как белорусское крестьянство и рабочий класс, так и большинство общественно активного населения были доброжелательно настроены по отношению к СССР, политическое настроение явно левого. Решающими факторами в формировании такого настроения были низкий уровень образования большинства белорусов, социальная структура и степень русификации многих белорусов, с другой стороны, мнимые возможности развития национальной культуры в Советской Беларуси, что привлекало латвийскую белорусскую интеллигенцию.

Ярким примером является один из самых влиятельных в Латвии белорусских деятелей К. Езавитов. Кроме всего перечисленного, начиная с 1925 г., он регулярно писал обзоры для минской газеты «Савецкая Беларусь» о деятельности латвийских белорусов, а также о политических событиях в государстве (например, о революционном движении рабочего класса и т. д.). В 1926 г. К. Езавитову удалось организовать учебу многих молодых белорусов в вузах Минска на стипендии Белорусской ССР, а в ноябре того же года он сам присутствовал на Академической конференции в Минске, на которую из

⁴² LVVA. 3235. f., 6. apr., 196. l.; 1897. f., 1. apr., 7. l.; 5019. f., 1. apr., 23. l., 1.–20. lp.

⁴³ LVVA. 3017. f., 1. apr., 122. l., 10.–11. lp.

⁴⁴ LVVA. 6402. f., 1. apr., 3. l., 16. lpp.

⁴⁵ LVVA. 2750. f., 1. apr., 41. l., 12.–22. lp.; Valdibas Vestnesis. 1930. 20. dec.

⁴⁶ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 43., 57. lp.

Латвии были приглашены также В. Пигулевский и Я. Райнис (латышский поэт своим товарищам по социал-демократической партии обосновывал свою поездку «особыми» симпатиями по отношению к белорусам, хотя в Минск ехал «не особенно охотно»)⁴⁷.

26 января в Даугавпилсе, в помещении Белорусской государственной гимназии на Варшавской, 16 состоялся Конгресс представителей латвийского белорусского национального меньшинства, в котором участвовали представители организаций (около 10), школ и некоторых самоуправлений. Сообщение о положении белорусов прочитал руководитель Белорусского отдела при Министерстве образования и депутат Саэйма от ЛСДРП В. Пигулевский⁴⁸. А 25 мая 1930 г. на Белорусском народном собрании в Даугавпилсе В. Пигулевский прочитал реферат о работе в Саэйме⁴⁹. В Даугавпилсе уже во второй половине 20-х гг. действовала Рада белорусских организаций, где представители различных обществ согласовывали свое отношение ко многим вопросам⁵⁰.

Значительную роль в белорусской общественно-политической жизни играли печатные издания. Первым печатным изданием в Латвии был вышеупомянутый журнал «На чужыне» (весна 1920 г.). В 1922 г., накануне выборов в Саэйм, общество «Бацькаўшчына» выпустило листовки пропагандистского характера, в которых доказывалась необходимость избрания своего белорусского представителя в Саэйм⁵¹. В феврале 1923 г. Белорусский отдел образования решил издавать литературный журнал неполитического характера на белорусском языке, но это «пока не удалось»⁵².

В 1925 г. в Риге начала выходить первая белорусская газета «Голос беларуса». Редактором был К. Езавитов, и газета успешно конкурировала с выходившей с 1926 г. в Риге газетой «Гаспадар» под редакцией Щорса⁵³. В 1926 г. как приложение к «Голосу беларуса» (после прекращения выхода этой газеты приложение издается как самостоятельное издание) начинает выходить педагогический ежемесячник «Беларуская школа ў Латвіі», который просуществовал до конца 1933 г. Белорусское общество избирателей в латвийский Саэйм, городские, уездные и волостные самоуправления в 1930 г. взвешивают возможность возобновить издание «Голоса беларуса», что не было реализовано из-за прекращения работы общества⁵⁴. Кроме того, в Латвии выходят еще многие белорусские издания — «Беларускае жыццё»,

⁴⁷ Menders F. Domas, darbi un dzive 1903.–1940 // Neatkariga Cina. 1991. 25. jul.

⁴⁸ LVVA. 1848. f., 1. apr., 1. l.

⁴⁹ LVVA. 2750. f., 1. apr., 27. l., 12. lpp.

⁵⁰ Там же. 7. l., 56. lpp.

⁵¹ Там же. 214. lpp.

⁵² LVVA. 2125. f., 5. apr., 19. l., 86. lpp.

⁵³ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 4. lpp.

⁵⁴ LVVA. 3009. f., 1. apr., 3. l.

«Пагоня», «Школа і жыццё» (1930, редактор Демидов), «Школьная праца» (издание Даугавпилской белорусской гимназии, 1926–1930 г., под редакцией Сахарова). Кроме того, 29 июня 1928 г. вышла однодневная газета «Праца», посвященная выборам в Сэйм. Во второй половине 20-х гг. активно работало Белорусское издательство в Латвии. В 1927 г. оно издало брошюру К. Езавитова «Беларусы ў Латвії», где приводились общие сведения о белорусском народе вообще и белорусах в Латвии на основании статистического материала. Были изданы многие другие книги⁵⁵. После государственного переворота белорусские издания больше не выходят, хотя в декабре 1939 г. белорусское общество обратилось с просьбой в Министерство иностранных дел с просьбой разрешить издание белорусского ежемесячного издания «Роднае слова»⁵⁶.

Возможность получить образование на родном языке, несомненно, является одним из важнейших звеньев в жизни белорусского меньшинства. 13 сентября 1921 г. по предложению члена Учредительного собрания Я. Райниса при Министерстве образования был организован Белорусский отдел образования. Начальником его 10 октября был назначен С. Сахаров. В связи с тем, что в Латвии не хватало белорусских учителей, отдел в 1922 г. с согласия Кабинета министров пригласил на работу учителей — преподавателей курсов учителей из Литвы и Польши (Вильно). Среди других в Латвию явились нашедшие ранее в Литве убежище, высланные из Польши по национально-политическим причинам в феврале 1922 г. председатель виленского Белорусского национального комитета И. Красковский, секретарь этого же комитета Якубецкий и член комитета писатель Максим Горецкий. В том же году при поддержке управления восемь молодых белорусов получили стипендии чехословацкого общества «Беларусская грамада» и начали учебу в Праге, в Карловом университете, что давало возможность пополнить ряды белорусских педагогов в Латвии. С января 1922 по март 1923 г. в отделе была должность инспектора белорусских начальных школ (К. Езавитов). При отделе действовал совет, куда входили представители предприятий и школ. 20 ноября 1924 г. отдел был временно закрыт, дело белорусских школ было передано в ведение Главного школьного управления, при котором возникло особое делопроизводство для ведения вопросов по белорусским школам под руководством белоруса Григория Плыгавки⁵⁷.

29 июля 1926 г. Кабинет министров после многократных просьб белорусских организаций разрешил восстановить Белорусский отдел образования, что было поддержано и министром образования. Исполнителем должности

⁵⁵ LVVA. 3235. f., 6. apr., 196. l.

⁵⁶ LVVA. 2924. f., 1. apr., 9. l., 16. lpp.

⁵⁷ LVVA. 2750. f., 1. apr., 25. l., 19. lpp.; 1632. f., 2. apr., 493. l., 36., 130. lp.; 494. l., 12. lpp.; 1632. f., 2. apr., 487. l., 23. lpp.; 2125. f., 5. apr., 104. l., 14. lpp.; 1612. f., 14. apr., 10. l., 234. lpp.

начальника отдела временно был назначен Г. Плыгавка, выдвинутый рижскими организациями (попытка добиться назначения на этот пост в 1925 г. К. Езавитова не увенчалась успехом)⁵⁸.

В свою очередь, в 1926 г. Кабинет министров сначала отклонил просьбу белорусских организаций утвердить на должность начальника Белорусского отдела образования В. Пигулевского⁵⁹. Но позже он был утвержден и в составе четырех, позже трех, сотрудников работал до июня 1934 г., когда Белорусский отдел образования (также, как и другие отделы национальных меньшинств) был ликвидирован. Работу продолжал референт по делам белорусского образования Петр Журковский, (в 1936 г. в связи с уменьшением количества белорусских школ должность референта была отменена, а В. Пигулевского назначили директором гимназии в Абрене)⁶⁰.

За время своей работы Белорусский отдел образования организовывал работу белорусских школ, обеспечивал их учебниками, организовывал курсы белорусской культуры во многих местах Латвии (Зилупа, Лудза и др.)⁶¹. В 1927 г. при отделе был создан фонд стипендий, который назначал одноразовые и многоразовые стипендии белорусским студентам и гимназистам (в размере 1557 латов для 10 человек). В 1934–1936 гг. фонд формально находился у референта по делам белорусского образования, а в 1936 г. вексели фонда перешли в руки Белорусского педагогического общества, в 1939 г.—Латвийского белорусского общества⁶². Однако большого значения фонд не имел. Председателем его был В. Пигулевский⁶³.

Предпосылкой успешного развития белорусских школ была соответствующая подготовка учителей, которая проводилась при финансовой поддержке государства. С начала 20-х гг. отдел образования организовал курсы белорусских учителей. Сначала это были годичные курсы, затем двухгодичные в Даугавпилсе, затем— в Риге. С лета 1923 г. были организованы особые летние курсы, которые проводились так же сначала в Даугавпилсе, а с 1924 г.— в Риге. (В 1924 г. летние курсы для учителей и курсы белорусской культуры были в Лудзе⁶⁴.) Заведующие курсами назначались Белорусским отделом образования (например, в 1926–1927 гг. на этой должности был Н. Демидов). На курсах регулярно работали 10–12 лекторов. В 1931 г. курсы посещал 31 слушатель, был интернат на 26 мест⁶⁵. В 1933 г.

⁵⁸ LVVA. 1632. f., 2. apr., 493. l., 4., 59., 84.–85. lp.; 495. l., 63., 66.–67. lp.

⁵⁹ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 66., 89. lpp.

⁶⁰ LVVA. 3235. f., 5. apr., 1617. l., 12. lpp.; 1632. f., 2. apr., 495. l., 3. lpp.

⁶¹ LVVA. 2750. f., 1. apr., 25. l., 19. lpp.

⁶² LVVA. 2924. f., 1. apr., 8. l., 1.–2. lp.; 3235. f., 5. apr., 1617. l., 12. lpp.

⁶³ LVVA. 2750. f., 1. apr., 25. l., 12.–14. lp.

⁶⁴ Там же. 18. l., 35. lpp.; 7. l., 214. lpp.; а также 1632. f., 2. apr., 493. l., 130.–131. lp.; 2125. f., 5. apr., 350. l., 11. lpp.; 65. l., 84. lpp.; Jauna Straume. 1924. 3. aug.

⁶⁵ LVVA. 1632. f., 2. apr., 495. l., 22.–25. lp.; 499. l., 90. lpp.; 2125. f., 5. apr., 32. l., 2. lpp.

государственные белорусские курсы (двухгодичные) отмечали свой одиннадцатый юбилей⁶⁶.

Отдел образования во многом стал координатором всей белорусской общественной жизни. Например, в августе 1923 г. на учительской конференции в Даугавпилсе, организованной отделом, на которой присутствовал министр образования, было принято важное решение об открытии белорусского этнографического и школьного музея. И хотя осенью того же года было получено согласие дирекции Государственного этнографического музея открыть при нем белорусский отдел, в конце концов решили открыть музей при Рижской белорусской начальной школе. В связи с этим указанное мероприятие не получило большого резонанса⁶⁷. Отдел заботился об участии белорусских школ в общегосударственных мероприятиях, например, в концертах, выставках и т. д. В 1930–1934 г. белорусы приняли активное участие в сборе пожертвований на памятник Свободы⁶⁸.

В январе 1922 г. родители Даугавпилской белорусской школы обратились в Министерство образования с просьбой открыть в городе белорусскую среднюю школу, бюджетная организация Сазайма (благодаря поддержке Я. Райниса, министра образования А. Дауге и его товарища В. Сейле) выделила средства на ее организацию⁶⁹. В марте Кабинет министров разрешил гражданину Литвы И. Красковскому начать работу на государственной службе в качестве организатора белорусской гимназии в Даугавпилсе, а в сентябре была открыта гимназия гуманитарного типа с 70 учениками⁷⁰. На должности директора был И. Красковский, затем П. Жердий, а с 1924 г.— С. Сахаров. В 1926 г. в Даугавпилской гимназии были изданы 4 номера журнала «Школьная праца», работал школьный хор⁷¹.

Во второй половине 20-х гг. при школе открылись электрифицированная слесарная мастерская и кузница (для обучения ремеслу), столярная и пошивочная мастерская. При гимназии был бесплатный интернат на 45 мест⁷². Нужно отметить, что школьному директору С. Сахарову удалось наладить очень хорошие контакты с даугавпилским Литовским обществом. На школьных мероприятиях и концертах пелись и литовские песни⁷³.

В июле 1922 г. Белорусский отдел образования обратился к министру образования с просьбой открыть белорусскую гимназию в Лудзе⁷⁴. При

⁶⁶ LVVA. 1632. f., 2. apr., 500. l., 10. lpp.

⁶⁷ LVVA. 2125. f., 5. apr., 416. l., 2., 3., 8. lp.; Сегодня. 1923. 14 авг.

⁶⁸ LVVA. 2125. f., 5. апр., 411. л., 1–72. lp.

⁶⁹ Там же. 58. л., 253.–255. lp.

⁷⁰ LVVA. 1632. f., 2. apr., 487. l., 56. lpp.; 2125. f., 5. apr., 58. l., 253.–255. lp.

⁷¹ LVVA. 1632. f., 2. apr., 495. l., 68.–69. lp.; 499. l., 1.–36. lp.; 500., 75.–96. lp.

⁷² LVVA. 3235. f., 6. апр., 196. л.; 2125. f., 5. апр., 32. л., 1. lpp.

⁷³ Lietuvos centrinis valstybinis archivas (Центральный государственный исторический архив Литвы). 383 f., 7 ap., 1375 b., 78 л.

⁷⁴ LVVA. 1632. f., 2. apr., 487. l., 5. lpp.

содействии общества «Бацькаўшчына» была открыта частная белорусская гимназия в Лудзе, директором ее вначале стал Алексей Орлов, а с апреля 1923 г.— К. Езавитов. Под его руководством выходил школьный ежемесячный журнал «Ластаўка» (печатался на гектографе), вышло девять номеров, где публиковались стихи учащихся и другие материалы. В 1924 г. был издан на гектографе рукописный сборник стихов гимназистов⁷⁵.

В апреле 1923 г. К. Езавитову было дано указание организовать Лудзенскую государственную белорусскую среднюю школу, а в августе 1923 г. он был утвержден исполняющим обязанности директора этой школы. В связи с тем, что К. Езавитов игнорировал два распоряжения Кабинета министров о запрещении работать в этой школе двум иностранцам, ему было предложено уйти с должности, что он и сделал 4 апреля 1924 г. (обязанности директора исполнял учитель гимназии В. Пигулевский). В 1925 г. в четырех классах гимназии было 45 учеников⁷⁶. В связи с происходившим «белорусским процессом» 10 июля 1925 г. Министерство образования приняло решение закрыть гимназию.

В октябре 1922 г. в Даугавпилском белорусской гимназии был организован 45-й отряд латвийских скаутов под руководством И. Красковского в составе Латвийской скаутской центральной организации (ЛСЦО).

В Лудзенской белорусской гимназии (в то время это была еще средняя школа общества «Бацькаўшчына») по предложению Езавитова существовал скаутский кружок (вначале он действовал как звено 45 отряда), который в мае уже зарегистрировали как 63 кружок скаутов. В 1924 г. также в Пасиене и Зилупе были организованы отделения кружка (звенья). На своем первом собрании 63 отряд решил, что при нем будет работать и белорусский отряд гайд, решил поддержать образование отдельных отрядов гайдов в Лудзе⁷⁷. В июне 1923 г. он был зарегистрирован в составе Центральной организации гайдов Латвии как 32 отряд⁷⁸. Но в апреле 1924 г. 63 отряд был запрещен в связи с невыполнением распоряжений ЛСЦО, а остальные белорусские скауты и гайды прекратили свою работу в 1925 г.⁷⁹.

В августе 1932 г. министр образования А. Кениныш констатировал, что в Даугавпилской гимназии все еще продолжается «антигосударственное движение», налицо слабый педагогический состав и уровень успеваемости, что из 78 учеников слишком многие (70%) освобождены от платы за учебу. Были найдены и другие недостатки. В связи с этим министр предложил Кабинету министров начать постепенную ликвидацию гимназий; в 1932/33

⁷⁵ LVVA. 2125. f., 5. apr., 428. l., 7. lpp.; 427. l., 9. lpp.; 65. l., 177. lpp.; Герасімаў В. «Да праўды съветлай, братка, йдзі». С. 177.

⁷⁶ LVVA. 1632. f., 2. apr., 493. l., 38., 62. lp.; 1612. f., 14. apr., 10. l., 98. lpp.

⁷⁷ LVVA. 2125. f., 5. apr., 428. l., 4., 46., 77., 80. lp.; 426. l., 3. lpp.

⁷⁸ LVVA. 4244. f., 1. apr., 266. l., 1.–10. lp.

⁷⁹ LVVA. 1612. f., 14. apr., 11. l., 317. lpp.

учебном году оставить только 3 и 4 классы, а ученикам 1 и 2 классов дать возможность поступить в Рижскую белорусскую гимназию или Даугавпилсскую латышскую гимназию. 25 августа отдел согласился начать постепенную ликвидацию гимназии, доверив исполнять обязанности директора Фридриху Обштейну. Но после просьб белорусских организаций, родителей и Белорусского отдела образования, протестов и жалоб в министерство, в комиссию образования, Саэйм, Сенат и даже министру-президенту о несправедливости и необоснованности действий министра образования это решение отменили, и 13 сентября снова был открыт 1 класс гимназии. Осенью вместо Ф. Обштейна директором был назначен латыш — католический священник Язэп Чаманис. С 7 ноября 1932 г. гимназия снова работала в полном четырехклассном составе⁸⁰. В 1934/35 учебном году в школе было 89 учеников⁸¹. Нужно отметить, что в начале 30-х гг. гимнастику в школе преподавал старший лейтенант 10 Айзпутского пехотного полка Латвийской армии белорус Ян Корноухов, который сам закончил эту школу в 1925 г., а на следствии по «белорусскому процессу», выступая в качестве свидетеля, однозначно признал себя белорусом⁸².

В сентябре 1935 г. было дано распоряжение Министерства образования объединить польскую, русскую и белорусскую гимназии, открыв 2-ю государственную гимназию Даугавпилса, в которой были три потока национальных меньшинств, а также латышские классы. Директором ее был назначен бывший директор белорусской гимназии латыш Янис Плонис. Количество учащихся в латышских классах год от года увеличивалось, и весной 1939 г. гимназию закончил последний белорусский выпускной класс⁸³.

Весной и летом 1925 г., в связи с тем, что белорусскую начальную школу закончил первый выпускной класс, общество «Беларусская хата» безуспешно пыталось открыть частную среднюю школу (гимназию) в помещении Рижской белорусской школы по ул. Маскавас, 173 (во вторую смену). Сначала думали открывать первый класс, в который записались 12 учеников⁸⁴, но такого разрешения Министерства образования школа не получила.

С осени 1929 г. работала Рижская частная вечерняя гимназия при Белорусском учительском обществе (в помещении начальной школы по ул. Маскавас, 173 и один класс — на ул. Симаня) под руководством директора Александра Родьки. В первый год работы в школе был один класс с 19 учащимися, в последующие годы количество учеников возросло. В 1931/32 г. среди 11 учителей этой школы было много белорусов — студентов и выпускников Латвийского университета (Александр Щорс, Казимир Межецкий, Владислав

⁸⁰ LVVA. 1632. f., 2. apr., 499. 1., 39., 46., 47. lp.

⁸¹ Kronlins J. Latvijas skolas// Izglītības Ministrijas Menešraksts. 1935. Nr. 5–6. 31. lpp.

⁸² LVVA. 5601. f., 1. apr., 3110. 1., 3. lpp.; 1612. f., 14. apr., 12. 1., 173. lpp.

⁸³ Nasze Życie. 1935. 1 wrześ.; Latgales Vestnesis. 1938. 11. apr.

⁸⁴ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. 1., 27., 29. lp.

Минчонок)⁸⁵. Летом 1933 г. гимназия была названа именем Франциска Скорины, министр образования утвердил ее выпускной жетон в национальных белорусских цветах со стилизованным солнцем и полумесяцем, разработанный школьным советом⁸⁶. В 1934/35 г. школа насчитывала 26 учеников⁸⁷. Вскоре после этого она была закрыта.

В феврале 1922 г. Белорусский отдел образования и латгальское общество «Бацькаўшчына» решили добиваться открытия белорусской сельскохозяйтвенной школы или курсов с целью повышения профессионального уровня белорусских крестьян, а вместе с тем, и повышения благосостояния (вначале было задумано такую школу открыть в Пасиенской волости, в Залесье — на базе местной начальной школы). Просьбу отдела поддержал и Сельскохозяйтственный департамент Министерства земледелия⁸⁸. В ноябре 1922 г. школа (на обеспечении общества «Бацькаўшчына») в ведении Министерства земледелия была открыта в Даугавпилсе под руководством латыша Фридриха Абеле. Постоянно получая финансовую помощь от Белорусского отдела образования, она работала до 1924 г. В июле этого года был двухгодичный курс, 30 ученических мест и общежитие. Летом 1927 г. в Белорусском отделе образования обсуждался вопрос о возобновлении школы или открытии летних сельскохозяйтвенных курсов, но это было признано нецелесообразным⁸⁹.

Белорусское начальное образование начало стремительно развиваться осенью 1921 г., когда было открыто в общей сложности 47 школ с 3500 учениками (главным образом при переходе с польского и русского языка обучения на белорусский). В это время обществу «Бацькаўшчына» при поддержке школьного отдела Даугавпилского уезда удалось добиться преобразования 17 уездных польских школ в белорусские начальные школы (общество взяло на себя снабжение их учебниками). Осенью 1922 г. в ведении Белорусского отдела образования находилась 51 школа в Даугавпилском и Лудзенском уездах. Из них 14 — в Пиедруе и Пустынской волостях)⁹⁰. В 1923/24 учебном году в Латвии было 50 белорусских школ. В соответствии с данными переписи населения 1925 г. (число белорусов уменьшилось почти на половину) соответственно на 58 467 латов был сокращен бюджет Белорусского отдела образования. Но все-таки в 1925/26 учебном году работали 33 белорусские начальные школы с 2 343 учениками и 86 учителями. А также было еще шесть белорусских комплектов при школах

⁸⁵ LVVA. 1632. f., 2. apr., 499. l., 101.–102. lp.; 501. l., 9. lp.; 2125. f., 5. apr., 32. l., 2. lpp.

⁸⁶ LVVA. 1632. f., 2. apr., 500. l., 15.–18. lp.; 3235. f., 5. apr., 1619. l., 2. lpp.

⁸⁷ Kronlins J. Latvijas skolas. 475. lpp.

⁸⁸ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 214. lpp.; 1632. f., 2. apr., 487. l., 71., 73. lp.

⁸⁹ LVVA. 2125. f., 5. apr., 65. l., 182. lpp.; 41. l., 5., 6., 12., 18. lp.; Маяк. 1922. 3 июля.

⁹⁰ LVVA. 1632. f., 2. apr., 487. l., 19. lpp.; 2125. f., 5. apr., 39. l., 43. lpp.; 65. l., 177., 181. lp.; Езавітаў К. Становішча беларускай школы ў Латвії // Новае жыццё. 1923. 10 сак.

других национальностей. Начальные школы в большинстве случаев были в Пиедруйской волости (8), Истре (7), Пасиене (4), Пустыне (3), Ландскроне (2), в Рунданской, Граверской волостях и в Даугавпилсе (по 1 школе). Работали пять шестилетних школ (две в Риге, в Даугавпилсе, Лудзе и Лаудерпах Лудзенского уезда), остальные были четырехклассные⁹¹. В 1929/30 учебном году в Латвии были 32 белорусские начальные школы с 1777 учениками и 82 учителями и два комплекта при латышских школах⁹². В 1933/34 учебном году количество белорусских начальных школ уменьшилось до 23 (с 1 692 учениками), а в 1934/35-ом — до 16 (с 1 270 учениками)⁹³.

В январе 1922 г. открылась Лудзенская белорусская шестилетняя школа. Она должна была вести борьбу за свое существование в городском самоуправлении с русскими и поляками, которые старались добиться ее закрытия. В 1921/22 учебном году здесь было 110 учеников, в 1922/23-ем — 145 учеников⁹⁴.

В 1925 г. общество «Беларуская хата» сняло дом в Саркандаугаве на ул. Симаня, и после ремонта там разместилась Рижская частная начальная школа Г. Плыгавки и вечерняя школа, в 1926 г. школа перешла в ведение города как Рижская 2-я белорусская начальная школа⁹⁵. Позднее там же образовалась еще одна школа. В 1936 г. все три школы были закрыты. Продолжала работать лишь 1-я белорусская начальная школа в Латгалском предместье (ул. Латгалес, 16)⁹⁶.

До 1934 г. в Латвии работали многие частные белорусские школы. Например, в Даугавпилсе в 1931 г. местное отделение общества «Беларуская хата» открыло шестилетнюю белорусскую школу на базе существовавшего частного белорусского детского сада⁹⁷. Общество белорусских учителей в августе 1930 г. организовало частную начальную школу в Риге, в Торнякалнсе (ул. Бризвемниека, 22), где в 1933 г. обучалось 80 детей. Несмотря на многочисленные просьбы общества к городскому самоуправлению принять школу в свое ведение, это не было сделано. Школа получала лишь ежегодное денежное пособие от города (в 1932 г. — 4 000 латов, а в 1933 г. — только 1 960 латов)⁹⁸.

Общество «Рунь» в октябре 1924 г. пыталось организовать в Риге Белорусские вечерние курсы для взрослых, главной задачей которых было дать начальное образование (неграмотным) и дополнить имеющиеся знания. Но,

⁹¹ LVVA. 2125. f., 5. apr., 6. l., 1.–13. lpp.; 1632. f., 2. apr., 495. l., 46. lpp.

⁹² LVVA. 2125. f., 5. apr., 32. l., 1. lpp.

⁹³ Kronlins J. Latvijas skolas. 455., 466. lp.

⁹⁴ LVVA. 1632. f., 2. apr., 487. l., 1., 18. lpp.

⁹⁵ LVVA. 2750. f., 1. apr., 18. l., 29. lpp.; 1632. f., 2. apr., 495. l., 51. lpp.

⁹⁶ LVVA. 2924. f., 1. apr., 9. l., 57. lpp.

⁹⁷ LVVA. 2750. f., 1. apr., 27. l., 63. lpp.; 25. l., 4., 6. lp.; LVVA. 1632. f., 2. apr., 499. l., 92. lpp.

⁹⁸ LVVA. 2927. f., 1. apr., 1879. l., 13.–27. lpp.

в связи с проходившей проверкой работы белорусских школ, это разрешение не было получено⁹⁹. В начале 20-х гг. белорусский детский сад существовал также в Лудзе¹⁰⁰. В сентябре 1933 г. Белорусское общество учителей в Красной Двине (Саркандаугава), в помещении белорусской начальной школы, открыло частный детский сад, который был закрыт в августе 1936 г. из-за недостатка средств¹⁰¹. В мае 1939 г. Рижское городское школьное управление решило закрыть дошкольный класс 1-й Белорусской начальной школы, но после протеста белорусской общественности класс для дошкольников был сохранен (в нем в 1939/40 учебном году было 25, а всего в школе — 170 учеников)¹⁰².

В 20-е и начале 30-х гг. очень широко была распространена сеть белорусских организаций. Среди других видов деятельности видное место занимало сценическое искусство на родном языке. Общество «Бацькаўшчына» уже в начале 20-х гг. в своих отделениях организовало любительские труппы (например, в Даугавпилсе летом 1921 г. под руководством режиссера Залинского и Язепа Комажинского, в Краславе и Лудзе). Кроме того, ученический театральный кружок был организован в 1922 г. в Лудзенской белорусской гимназии¹⁰³. Во второй половине 20-х гг. общество «Беларуская хата» в Риге, в Саркандаугаве (в помещении белорусской начальной школы) устроило театральную сцену, где выступал драматический кружок общества¹⁰⁴.

В 1927 г. в Риге было организовано Белорусское театральное общество. Руководителями были К. Езавитов, В. Пигулевский, Станислав Красневич, Петр Масальский, Н. Демидов и закончившая Московскую консерваторию «свободная художница» Ольга Боровская-Пигулевская (первый председатель). В сезоне 1930–1931 г. работал Белорусский народный театр, который в Риге и Латгалии сыграл пять оригинальных белорусских пьес, переведенную пьесу Райниса «Гирт и волк». 21 спектакль посмотрели 3630 зрителей. В качестве режиссеров работали артисты Русского драматического театра Юрий де Бур и Я. Шаберт. В рижской труппе было занято 22 человека, в том числе — хор общества под руководством Миколы Гривского, единственного иностранца (гражданина Эстонии). В следующем сезоне труппа также играла спектакли в Риге, Лудзе и Зилупе. В 1931 г. было организовано даугавпилское отделение общества под руководством режиссера Константина Александровича, которое действовало

⁹⁹ LVVA. 2125. f., 5. apr., 429. l., 1.– 4. lp.

¹⁰⁰ Беларускія пісьменнікі. Т. 5. С. 260.

¹⁰¹ LVVA. 2125. f., 5. apr., 49. l., 1.–6. lp.

¹⁰² LVVA. 2924. f., 1. apr., 9. l., 1., 4. lp.

¹⁰³ LVVA. 2125. f., 5. апр., 65. л., 85., 181. lp.; 430. л., 20. lpp.; 3235. f., 6. апр., 196. л.; Беларускі звон. 1923. 24 лют.; Наша будучына. 1923. 27 студз.

¹⁰⁴ LVVA. 2750. f., 1. апр., 18. л., 29. lpp.

самостоятельно¹⁰⁵. Руководителем центрального правления общества в 1935 г. стал бывший учитель, псаломщик рижской православной церкви Покрова Н. Демидов, а в качестве режиссера работал бывший житель Даугавпилса Я. Комажинский. В связи с тем, что в правление входили учитель Владимир Гусаревич (наполовину латыш, до 1925 г. член белорусской социал-революционной партии, потом симпатизировал социал-демократам, затем русским монархистам) и близко стоящий к группе Езавитова Мечислав Слосман, в январе 1936 г. по предложению Политического управления работа общества была прекращена¹⁰⁶. Но деятельность белорусского театра продолжалась. Еще 4 мая 1940 г. Белорусское общество в Риге ставило на белорусском языке пьесу Далецких «Михалка»¹⁰⁷. Развивались и другие виды искусства, например, 19 декабря 1932 г. по радио впервые прозвучали белорусские народные песни в исполнении артистки А. Латонас-Демидовой, за что общество «Беларуская хата» выразило благодарность директору Радио¹⁰⁸.

В 1927 г. был организован кооператив белорусского образования «Культура і праца», целью которого стало улучшение материального и духовного состояния белоруссов. Небольшая организация (в 1932 г.— 11 человек под руководством В. Пигулевского, М. Кравченко и др.) главным образом занималась приобретением белорусских книг в Польше и Советской Беларуси и раздачей их по белорусским школам. Кроме того, школы получили экземпляры учебника В. Пигулевского «Наш край». Кооператив издал календарь на 1928 г.— первое такого типа белорусское издание в Латвии (в редакционную коллегию входили В. Пигулевский, К. Езавитов, Наталья Пинская). В том же году В. Пигулевский участвовал во Вселатвийском конгрессе кооперативов. Кооператив был ликвидирован в 1935 г.¹⁰⁹.

Одной из самых влиятельных белорусских организаций стало просветительское общество «Беларуская хата» (первый председатель— Н. Демидов), зарегистрированное в Риге в декабре 1924 г. Оно имело отделения в Саркандаугаве, Торнякалнсе, Даугавпилсе, Лудзе и Лиепае. Количество членов общества очень быстро росло, осенью 1925 г. достигло 160 человек, а в начале 30-х гг.— около 600 человек. Организовывались духовые оркестры, хоры, библиотеки, а также чтения, вечера отдыха, языковые и общеобразовательные курсы. Но в начале 30-х гг. деятельность общества начинает затухать (в связи с окончанием договора о найме помещения в Саркандаугаве). В мае 1934 г. договор был возобновлен, к руководству пришли сторонники Езавитова. По этой причине из правления выходит организатор

¹⁰⁵ LVVA. 1632. f., 2. apr., 892. l., 1.– 30. lpp.

¹⁰⁶ LVVA. 3235. f., 5. apr., 255. l., 1.–6. lpp.

¹⁰⁷ LVVA. 2924. f., 1. apr., 9. l., 36. lpp.

¹⁰⁸ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 10. lpp.

¹⁰⁹ LVVA. 1848. f., 1. apr., 1. l.

и председатель общества до 1934 г. Н. Демидов, которого Политуправление, в отличие от Езавитова, считало лояльным гражданином, хотя и он до 1928 г. состоял в ЛСДРП. Фактически, Н. Демидов во второй половине 30-х гг. регулярно доставлял правлению информацию о происходящем в белорусском обществе¹¹⁰. В 1935 г. в организации насчитывалось 175 человек (75 — в Саркандаугаве, 15 — в Торнякалнсе, 40 — в Лиепае, 30 — в Лудзе и 15 — в даугавпилском отделении), была возобновлена работа хора и драматического кружка, создан женский кружок рукоделия. На последнем этапе деятельности общества им руководили Ян Кудрявцев, Г. Плыгавка, К. Езавитов (фактический лидер) и другие. Они поддерживали активную связь с правительством Белорусской Народной Республики в Праге (например, посылая поздравления с национальными праздниками). После переворота в мае 1934 г. руководство общества подчеркнуто старалось показать свою лояльность государству и авторитарному режиму, например, регулярно приглашая читать патриотические лекции на белорусском языке Петера Журковского из отдела информации и пропаганды Министерства внутренних дел, посылая от имени общества поздравления президенту К. Ульманису (11 апреля 1935 г. К. Ульманис прислал в ответ письменную благодарность), откликнувшись на призыв президента собрать книги для школ через Фонд культуры. Несмотря на это, по предложению Политуправления (согласно имеющейся информации, легальную работу общества К. Езавитов использовал как «маскировку для проведения нелегальной белорусской деятельности») в ноябре 1935 г. было дано распоряжение о ликвидации общества. Оно было закрыто в сентябре 1936 г., а оставшееся движимое имущество (в том числе 60 книг) решили продать¹¹¹.

В Риге в марте 1924 г. было образовано Белорусское культурное и просветительское общество «Рунь» под руководством Яна Щорса (умер в 1931 г.), учительницы белорусской начальной школы Люцины Клагиш (в замужестве — Тетере) и др.¹¹². В 1931 г. председателем выдвинули Л. Тетере, ее заместителем — владельца киоска на Центральном рынке Доминиана Чернуху. В 1934 г. в ревизионной комиссии работал находящийся в подполье организатор рижской ячейки Латвийской коммунистической партии — пропагандист Болеслав Блажевич (в 1930—1931 гг. находился в заключении). В связи с негативной оценкой Политуправлением деятельности общества оно было ликвидировано в ноябре 1935 г.¹¹³.

¹¹⁰ LVVA. 3235. f., 5. apr., 255. l., 2. lpp.; Łatyszonek O. Mikołaj Demidow (1888–1967) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1995. Nr. 1. S. 174–179; Latvijas valsts arhīvs (Государственный архив Латвии, далее — LVA). 1986. f., 2. apr., P-10551. l., 26. lpp.

¹¹¹ LVVA. 2750. f., 1. apr., 1. l., 1.–3. lp.; 10. l., 32., 36. lp.; 25. l., 37. lpp.; 18. l., 1.–122. lp.; 7. l., 28., 31. lp.; 1632. f., 2. apr., 493. l., 16. lpp.; 3235. f., 5. apr., 304. l., 1.–4. lp.

¹¹² LVVA. 1848. f., 1. apr., 3. l., b. p.; 2125. f., 5. apr., 429. l., 1. lpp.

¹¹³ LVVA. 3235. f., 5. apr., 3082. l., 1.–6. lp.

Белорусское общество молодежи было основано в Риге в марте 1928 г. В 1930 г. работали его отделения в Зилупе, Пасиене, Шушках Шкяунской волости, еще в двух местах Лудзенской волости, было отделение и в Пустыне¹¹⁴. Весной 1934 г. общество насчитывало 45 членов, но практически с этого времени оно не проводило никакой работы. В сентябре 1934 г. Политуправление предложило отделу прессы и обществ при Министерстве внутренних дел закрыть общество. Это решение основывалось на донесениях о том, что многие члены правления (К. Межецкий, Язеп Клагиш и председатель М. Слосман) сотрудничали с «нелегальной белорусской организацией» под руководством К. Езавитова и что последний оказывает большое влияние на общество. В начале 1935 г. «распространялась белорусская нелегальная литература», К. Межецкий и Я. Клагиш летом 1935 г. в Латгалии агитировали в пользу белорусского движения (Межецкий был арестован и освобожден только в феврале 1936 г.). В связи с этим 17 сентября 1935 г. обществу было приказано самоликвидироваться в течение трех месяцев¹¹⁵.

Белорусское культурное и просветительское общество «Прасвета» основал С. Сахаров и др. в июле 1926 г. После закрытия «Бацькаўшчыны» сюда вошли даугавпилские педагоги (в 1927 г. их было 142 человека). Они устраивали вечера, читали лекции, организовывали библиотеки. В 1927 г. общество открыло частную школу для взрослых в Даугавпилсе¹¹⁶. Работа была прекращена 20 сентября 1935 г. «как вредная для интересов общества и государства».¹¹⁷ В связи с этим общество «Беларуская хата» просило передать ей как родственной организации книги и радиоаппараты, принадлежащие «Прасвеце», но безрезультатно. Скоро было закрыто и это общество¹¹⁸.

Белорусское центральное сельскохозяйственное общество «Араты» было организовано в Даугавпилсе в сентябре 1927 г. по инициативе С. Сахарова и др.¹¹⁹. Вскоре открылись отделения во многих волостях Латгалии, в деятельности общества приняли участие десятки крестьян (до его закрытия в первой половине 30-х гг.).

Нужно отметить и заслуги белорусского научно-этнографического общества в Латвии. В июне 1926 г. при Белорусском обществе избирателей был организован этнографический кружок под руководством К. Езавитова¹²⁰. В июне 1932 г. на его основе образовано общество с целью изучения истории белорусского народа, его этнографии и фольклора. Оно обратилось с просьбой к школам и общественным деятелям принять участие

¹¹⁴ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 36., 48. lp.

¹¹⁵ LVVA. 3235. f., 5. apr., 1618. l., 2.–6. lp.

¹¹⁶ LVVA. 1848. f., 1. apr., 3. l.

¹¹⁷ LVVA. 3235. f., 5. apr., 2630. f., 1.–3. lp.

¹¹⁸ LVVA. 2750. f., 1. apr., 18. l., 98. lpp.

¹¹⁹ LVVA. 1848. f., 1. apr., 3. l.

¹²⁰ LVVA. 3235. f., 6. apr., 196. l.

в собирании белорусского фольклора (также и к священнику Лопатёнку, историку Болеславу Брежго). Особенно активно включились в работу по сбору фольклора даугавпилсские гимназисты под руководством директора С. Сахарова. Образовалось отделение общества в Даугавпилсе. По научным вопросам общество вели переписку с Белорусской академией наук, различными белорусскими организациями и общественными деятелями в Польше, Литве, Чехословакии и др. Готовилось издание белорусско-латышского словаря, но, к сожалению, эта работа не была закончена. В обществе было 15 членов, 5 членов-корреспондентов, 15 кандидатов. В 1933 г. его работа была прекращена. В 1936 г. К. Езавитов старался ее возобновить, но из-за негативного отношения властей это было невозможно¹²¹.

В 20–30-е гг. активно работало Общество белорусских учителей, которое входило в Латвийский учительский союз¹²². Общество содержало частный детский сад и две школы. Председатель его — Г. Плыгавка, затем — П. Миронович, Н. Демидов. Сначала в правление входил и К. Езавитов, который позже был исключен¹²³. В феврале 1939 г. в обществе насчитывался 71 человек — учителя, члены их семей, рабочие и служащие. Ему принадлежала небольшая библиотека. Довольно регулярно проходили мероприятия с театральными представлениями, концертами самодеятельности, чтениями рефератов на педагогические темы¹²⁴. Кроме того, во второй половине 20-х гг. в Риге работало созданное в 1925 г. Белорусское центральное сберегательно-ссудное общество, в котором в 1927 г. было 45 человек¹²⁵, в 30-е гг. в Даугавпилсе — Даугавпилское белорусское общество¹²⁶.

19 июня 1939 г. была организована самая влиятельная белорусская организация — Латвийское белорусское общество. Это произошло путем пере登记ации Белорусского общества учителей. Цель общества — объединение всех белорусов Латвии. Председателем был избран П. Миронович. В правлении ревизионной комиссии работали общественные деятели С. Сахаров, М. Кравченко, учитель белорусской начальной школы и режиссер театра Я. Комажинский. Устраивались лекции, вечера отдыха, театральные представления. В 1940 г. при поддержке латышского профессора Карла Страуберга общество приступило к изданию работы С. Сахарова на белорусском языке «Духовное наследие белорусов в Латвии и Илукстском уезде» под редакцией К. Езавитова. (Сахаров ранее получил на это премию Фонда культуры). До лета 1940 г. вышел первый том этого труда¹²⁷.

¹²¹ LVVA. 1897. f., 1. apr., 1., 2., 3., 7. l.

¹²² LVVA. 2924. f., 1. apr., 9. l., 68. lpp.

¹²³ LVVA. 3235. f., 5. apr., 1619. l., 1.–2. lp.

¹²⁴ Там же. 1617. l., 12. lpp.

¹²⁵ LVVA. 1848. f., 1. apr., 3. l.

¹²⁶ LVVA. 2750. f., 1. apr., 7. l., 57. lpp.

¹²⁷ LVVA. 2924. f., 1. apr., 1. l., 9. l., 18., 26., lp.; 3235. f., 5. apr., 1617. l., 1.–11. lp.

В 20–30 гг. католическими священниками служили многие белорусы, например, Я. Гайлевич (в Пиедруе, Балбинове, Резекне, Даугавпилсе), родившийся в Пасиенской волости Антон Лопатёнок (в Варклянах, Бальбинове, Элерне, Эглайне), родившийся в Букмуйжской волости Доминик Макиёнок (в Резекне, Ликсне, Шкилбенах, Алсунге, Илуксте, Лудзе и Лиепае)¹²⁸. Священник Я. Гайлевич в 1931 г. был утвержден преподавателем религии в Даугавпилской государственной белорусской гимназии¹²⁹.

Следует отметить, что в Латвийской армии в 1920–1924 гг. в чине подполковника служил Вячеслав Рутковский (инженер военного строительства и строительного управления в Даугавпилсе)¹³⁰. Бывший воспитанник Рижской белорусской гимназии белорус Александр Булат в 1936 г. получил звание чемпиона Латвии по фехтованию¹³¹.

До 1934 г. Латвия была одним из самых активных центров белорусского национального движения. Здесь работали многие белорусские политики, деятели искусства и литературы, вклад которых в дело национального возрождения всего белорусского народа по заслугам оценен современной белорусской наукой. Многие признаны активными деятелями этого движения (С. Сахаров, его супруга поэтесса и драматург О. Сахарова, К. Езавитов, художник П. Миронович и др.).

Определенные возможности развития белорусы имели и после государственного переворота 1934 г. и вызванных им изменений в государственной национальной политике. Но эти возможности, по сравнению с другими национальными меньшинствами, белорусами мало использовались. В большей степени это объясняется двумя факторами. Во-первых, рядом не было национального государства, правительство которого поддерживало бы своих собратьев в Латвии (как это было с латвийскими поляками, литовцами и эстонцами). Второй причиной являлось особое положение белорусского меньшинства среди других национальных сообществ, что объясняется исключительно сложным историческим генезисом самосознания белорусов под влиянием различных внешних факторов.

Свою негативную роль сыграли как противоречия активной части белорусского меньшинства с польскими и русскими организациями, так и с отдельными латышскими политиками, государственными самоуправленческими структурами. В целом отношение властей к белорусскому движению до 1934 г. можно считать доброжелательным. Исключением является период времени с 1924 по 1925 г. («белорусский процесс»). Реакция латвийских властей была в основном логичной, хотя реальная угроза безопасности

¹²⁸ Cakuls J. Latvijas Romas katolu priesteri 1918–1995. Riga, 1996. 71., 104., 107. lpp.

¹²⁹ LVVA. 1632. f., 2. apr., 499. l., 110. lpp.

¹³⁰ LVVA. 5601. f., 1. apr., 5653. f., 3. lpp.; Latvijas armijas augstakie virsnieki 1918–1940 / Sast. E. Jekabsons, V. Šcerbinskis. Riga, 1998. 411. lpp.

¹³¹ LVA. 1986. f., 2. apr., P-4809. 1., 10. lpp.

государству могла появиться лишь в случае образования в 1919–1920 гг. независимой Белорусской Республики, соседа Латвии. Несомненны симпатии большей части белорусов и их руководителей к СССР и даже тайное сотрудничество отдельных деятелей с различными институциями в БССР. Это ярчайшим образом отразилось на деятельности К. Езавитова, по оценке белорусских ученых¹³², одного из самых видных деятелей белорусского национального движения XX в.

Во время немецкой оккупации К. Езавитов активно участвовал в национальном движении и даже руководил белорусскими вооруженными отрядами в борьбе с Красной Армией. Поэтому симпатии и сотрудничество с СССР никак нельзя оценивать однозначно. Во всяком случае, активная деятельность белорусского меньшинства неоднозначно проявлялась как во время советского присутствия в Латвии в 1940–1941 гг., так и немецкой оккупации 1941–1944 гг., а причины всего этого нужно искать в своеобразной истории развития как латвийских белорусов, так и всего белорусского народа. Но это уже тема другого исследования.

¹³² Мальдзіс А. Пра лёс архіва Канстанціна Езавітава // Вяртанне. Mn., 1996. Вып. 3. С. 244–248.

Алена Нарушэвіч (Вентспілс, Латвія)

БЕЛАРУСЫ ЛАТВІІ – УДЗЕЛЬНІКІ ПРАЦЭСАЎ ІНТЭГРАЦЫІ ГРАМАДСТВА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ГОРАДА ВЕНТСПІЛСА)

Мне вельмі прыемна прадстаўляць перад шаноўнай аўдыторыяй кангрэса беларускую суполку «Спадчына» з латвійскага горада Вентспілса, што размясціўся ля Балтыйскага мора. Спадзяюся, што назва Вентспілскага порта, буйнейшага порта на Балтыйскім моры, добра вядома і ў маёй роднай Беларусі...

Тэма майго выступлення «Беларусы Латвіі — удзельнікі працэсаў інтэграцыі грамадства» сведчыць аб tym, што па волі лёсу дзесяткі тысяч нашых суайчыннікаў аказаліся ўключанымі ў складаныя працэсы дэмакратычнай эвалюцыі грамадства, якія праходзяць сёння ў Латвіі — адной з краін Балтыі і з 15 колішніх рэспублік адзінай Савецкай дзяржавы. Беларусы ў сёняшній Латвіі — трэцяя па колькасці нацыянальная меншасць і самая вялікая беларуская суполка ў краинах Балтыі.

Да 1940 г. большая частка беларусаў пражывала ў Латгаліі. Цяпер жа там засталася толькі чацвёртая іх частка. Асаблівасцю беларускай супольнасці ў Латвіі можна лічыць тое, што большасць нашых суайчыннікаў

у гэтай краіне прцуюць у прамысловасці, на транспарце, у гандлі, і менш за астатнія нацыянальныя меншасці — у культуры і навуцы. Гэтым тлумачыцца парадаўнальна малая доля беларускай інтэлігенцыі ў Латвії, што, у сваю чаргу, упłyвае і на адносна нізкі, на мой погляд, узровень нацыянальнай і грамадскай актыўнасці беларусаў у Латвії.

10 гадоў мінула з той пары, як Латвія стала незалежнай краінай, і толькі сёння мы гаворым аб пачатку працэса ѹ інтэграцыі ў латвійскае грамадства. Гэта сведчыць таксама і аб тым, што тут адбываюцца далёка не адназначныя, не простыя і не заўсёды прымальныя працэсы. Здаецца, у краіне няма адкрытых этнічных канфліктаў, невырашальных проблем у міжнацыянальных адносінах. Але ж існуе вядомае сацыяльнае напружанне, якое з'явілася рэакцыяй на няўпэўненасць і цъмянасць будучыні, з якімі сутыкнуліся этнічныя і нацыянальныя групы ў Латвіі ў выніку дэмакратычных пераўтварэнняў апошняга дзесяцігоддзя. Сёння, калі найбольш актыўныя беларусы Латвіі разам з іншымі этнічнымі і нацыянальнымі меншасцямі імкнуцца заняць сваю нішу ў структуры шматкультурнага і шматнацыянальнага грамадства, галоўная мяжа, па сутнасці, пралягla не паміж латышамі і асобнымі нацыянальнымі меншасцямі, а галоўным чынам — паміж рускамоўнымі і латышкамоўнымі жыхарамі Латвіі. На жаль, гэта сведчыць аб тым, што раздзяленне грамадства на дзве супольнасці — латышскую і рускамоўную — ўсё ж адбылося. Сёння многія прадстаўнікі рускай і латышскай інтэлігенцыі вымушаны прызнаць, што дыялогу паміж імі няма, што дзве культуры існуюць паралельна. І гэта прытым, што ў савецкі перыяд, які цяпер прынята ў нас называць савецкай акупацыяй, інтэграцыя дзвюх культур існавала не на словах і не ў афіцыйных дакументах, а ў паўсядзённым жыцці.

Тым не менш, дзеля таго, каб лепш зразумець працэсы, якія адбываюцца сёння ў латвійскім грамадстве, знайсці аптымальныя шляхі грамадской інтэграцыі, ёсць сэнс звярнуцца да адносна нядаўнай гісторыі Латвіі. 18 лістапада 1918 г. яна была абвешчана першай незалежнай рэспублікай латышскага народа. Але ў выніку складанасцей гістарычнага працэсу Латвія ўжо ў пачатку стагоддзя з'яўлялася па сутнасці шматнацыянальнай дзяржавай. З XIII ст. побач з латышамі і лівамі тут сяліліся немцы, з XVI ст. — габрэі і палякі, з XVII ст. у Латвіі разам з рускімі стараверамі ўсё больш масава з'яўляліся беларусы.

Народны Савет Латвійскай Рэспублікі ў якасці сваёй палітычнай платформы адразу ж, у лістападзе 1918 г., асобна вылучыў пытанне аб правах нацыянальных меншасцей, гарантуючы ім магчымасць выбіраць сваіх прадстаўнікоў у парламенцкія органы, а таксама прымаць удзел у работе ўрада і мясцовых самакіраванняў.

У 1920 г. у Латвії пражывала каля 1 600 тысяч жыхароў, сярод якіх 434,7 тысячи чалавек, або 27,24%, складалі прадстаўнікі нацыянальных меншасцей, у тым ліку і 75 630 беларусаў. У тагачасных заканадаўчых органах Латвіі нацыянальныя меншасці былі прадстаўлены наступным чынам: у Народным

Савеце (1918–1920) — 18 чалавек (з 102 дэпутатаў), у Заканадаўчым сходзе (1920–1922) — 17 чалавек (з 150 дэпутатаў), у Саёймах Латвіі з першага па чацвёрты (1922–1934), у склад якіх уваходзіла па 100 дэпутатаў, колькасць прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей вагалася ад 16 да 19. Трэба адзначыць, што такі ж расклад назіраецца і ў цяперашнім, шостым Саёйме Латвіі: са 100 дэпутатаў 18 — прадстаўнікі некарэннай нацыянальнасці. Сапраўды дэмакратычным быў закон Народнага Савета, прыняты 8 снежня 1919 г., аб навучальных установах Латвіі, які вызначаў, што школьнай сістэма нацыянальных меншасцей «аўтганомная ў сваёй арганізацыі». Дзяржаўным установам і ўстановам мясцовых самакіраванняў было даручана адкрыць і падтрымліваць столькі школ для кожнай нацыянальнай меншасці, колькі трэба для навучання іх дзяцей. Там, дзе школьнікай іншых нацыянальнасцей было не вельмі многа, дазвалялася ўтвараць асобныя нацыянальныя класы (з навучаннем на роднай мове) у латышскіх школах. Пры Міністэрстве адукацыі быў створаны асобны Дэпартамент школ нацыянальных меншасцей, куды уваходзілі ўпраўленні нямецкімі, рускімі, габрэйскімі, польскімі і беларускімі школамі. Ажыццяўленне гэтага закону прывяло да таго, што ў 1933/34 навучальным годзе ў Латвіі існавалі 23 пачатковыя і адна сярэдняя беларускія школы. Пра ўзровень інтэграцыі беларусаў у тагачаснае грамадскае жыццё Латвіі сведчыць той факт, што прыкладна 23,3% з іх валодалі латышскай мовай. Але асноўная частка беларусаў пражывала ва ўсходніх частцах краіны, Латгаліі, дзе большасць насельніцтва традыцыйна не размайляла па-латышску.

У другой палове 30-х гг. пасля перавароту 15 мая 1934 г., дэмакратычныя прапэсы ў Латвіі прыпыніліся, замест інтэграцыі ўсё выразней праvodзілася палітыка асіміляцыі іншых нацыянальнасцей у латышскае асяроддзе.

У пасляваенны перыяд — да аднаўлення незалежнасці ў 1990 г. — этнічны склад насельніцтва Латвіі хутка змяняўся ў бок павелічэння колькасці прадстаўнікоў некарэннай нацыянальнасці. З 1935 да 1989 г. удзельная вага латышоў зменілася ад 75,5% да 52,04%, доля рускіх павялічылася з 10,6% амаль да 34%, беларусаў — ад 1,38% да 4,4%. Такое рэзкае змяненне нацыянальнага складу насельніцтва тлумачылася вялікім прытокам мігрантаў у Латвію ў савецкі перыяд. Колькасць беларусаў у Латвіі падвоілася і складае цяпер каля 100 тысяч чалавек. Асноўная частка іх прыехала сюды з 1959 па 1970 г. (330 чал.). Але ў Латвіі беларусы траплялі ў асноўным у рускае асяроддзе, што тады мала адрознівалася ад сітуацыі на іншых тэрыторыях Савецкай дзяржавы, у тым ліку і ў самай Беларусі.

Адзін з найбольш цяжкіх наступстваў савецкай нацыянальнай палітыкі — абруcenне традыцыйных гістарычных меншасцей, у тым ліку ў Латвіі. У той час, калі латышы захавалі сваю нацыянальную інфраструктуру, мову і нацыянальна-культурнае асяроддзе (школы, тэатры і г. д.), іншыя нацыянальнасці,

акрамя рускіх, сваё культурнае асяродззе фактычна страцілі. Аб гэтым сведчаць і вынікі перапісу насельніцтва 1989 г., паводле якога сваю нацыянальную мову прызналі роднай 43,8% беларусаў, 27,1% палякаў, 27% габрэяў, 34% немцаў, што пражываюць у Латвії.

Па сутнасці, на такіх, даволі слабых, стартавых пазіцыях пачыналася адраджэнне нацыянальнага самаўсведамлення этнічных меншасцей пасля аднаўлення незалежнасці Латвіі ў 1990 г.

Беларусы лічацца гісторычна традыцыйнай меншасцю ў Латвіі. Трэцяя частка ўсіх пражываючых сёння ў Латвіі беларусаў там жа і нарадзілася, пятая частка (20 770 беларусаў) з'яўляецца грамадзянамі Латвійскай Рэспублікі. Рыхтуючыся да гэтага выступлення на кангрэсе беларусістай, я звярнулася ў гарадскі архіў і гарадскі музей Вентспілса, каб даведацца, калі ж з'явіўся першы беларус у самым заходнім горадзе Латвіі. Зрабіць гэта аказалася няпроста, а дакладней — немагчыма. Справа ў тым, што ў архіўных дакументах Вентспілса да 1945 г. беларусы не значацца наогул. Першое ўпамінанне пра беларусаў датавана зусім нядыўнім часам — 1970 г., калі ў горадзе, паводле архіўных звестак, пражывала 2 430 беларусаў.

З таго часу колькасць нашых суайчыннікаў у горадзе на ўзбярэжжы Балтыйскага мора амаль не змянілася. Яны складаюць сёння трэцюю па колькасці нацыянальную группу ў складзе гарадскога насельніцтва. Асноўная частка беларусаў з'яўлілася ў Вентспілсе пасля Другой сусветнай вайны, калі савецкая ўлада пачала аднаўляць мясцовы порт і аб'яўляла арганізаваныя наборы рабочых з усіх рэспублік Савецкага Саюза.

Адна з актыўных удзельніц беларускай суполкі «Спадчына» ў Вентспілсе Валянціна Краснапёрава правяла анкетаванне некалькіх дзесяткаў туцэйшых беларусаў, пытаючыся ў іх, калі і чаму яны прыехалі ў Вентспілс. Аказалася, што большасць з іх прыехалі па набору — на будаўніцтва прамысловых аб'ектаў. Шмат беларусаў працуе сёння на прадпрыемствах Вентспілскага порта, у будаўнічых арганізацыях, ёсьць сярод іх настаўнікі і працаўнікі культуры. Але ў апошнія гады прадстаўнікам інтэлігенцыі нацыянальных меншасцей даводзіцца з асаблівай цяжкасцю інтэгравацца ў латвійскае грамадства, бо цяперашні Закон аб дзяржаўнай мове патрабуе ад работнікаў культурнай сферы валодання латышскай мовай на ўзроўні роднай мовы.

У канцы 80-х гг., адначасова з адраджэннем (*атмодай*) нацыянальной свядомасці саміх латышоў, пачалося і масаве ўтварэнне нацыянальных культурных таварыстваў — галоўным чынам у Рызе. З'яўлілася Балта-славянскае таварыства, габрэйская, польская, украінская, руская, беларуская суполкі, якія пазней аб'ядналіся ў Асацыяцыю нацыянальных культурных таварыстваў Латвіі (сёння яе ўзначальвае Рафі Хараджанян).

У адзін з напружаных дзён, здаецца, гэта было у 1989 г., калі знешне спакойнае і міралюбівае грамадства раптам раскалолася на прыхільнікай Народнага фронту і Інтэрфронту, калі абвастрэнне міжнацыянальнага напружання

дайшло да свайго апагею, у рэдакцыю мясцовай газеты «Советская Вента», як яна ў той час называлася, да мяне зайшоў чалавек і амаль з парога пачаў гаварыць па-беларуску. Гэта быў Уладзімір Скрабатун, якога пазней я сама для сябе назвала беларускім нацыяналістам у самым станоўчым сэнсе гэтага слова. Ён пачаў прыходзіць у рэдакцыю ўсе часцей: прыносіў кнігі на дзіўнай для мяне беларускай мове (дзіўнай таму, што кнігі друкаваліся ў далёкім замежжы і захавалі мову першай і другой хвалі беларускай эміграцыі на Захадзе). У Скрабатун уваходзіў у праўленне латвійскага таварыства беларусаў «Світанак», наколькі мне вядома, быў яго актыўным удзельнікам, але адначасова вельмі хацеў стварыць беларускую суполку і ў Вентспілсе. Прыхільнік ідэі нацыянальнага адраджэння, У. Скрабатун не раз звяртаўся праз газету да беларусаў Вентспілса з заклікам аб'яднацца, расказваў на газетных старонках пра дзейнасць першых беларускіх культурных аб'яднанняў у Рызе, пра жыццё беларускай эміграцыі ў далёкім замежжы, з якім, хутчэй за ёсё, ён падтрымліваў найкія сувязі. У 1989 ці 1990 г. мы з Уладзімірам нават падрыхтавалі тэматычны выпуск газеты «Советская Вента» на беларускай мове. Гэта быў, напэўна, унікальны ў сваім родзе нумар вентспільскай газеты на беларускай мове — адзіны за амаль 80-гадовую яе гісторыю.

На жаль, шчыры энтузіязм У. Скрабатуна не знайшоў падтрымкі ў суайчыннікаў нашага горада. Мы не атрымалі амаль ніводнага водгуку на свае заклікі праз газету. Хутка Уладзімір ад'ехаў на радзіму, у Глыбокае, дзе, як я нядаўна даведалася, распачаў шырокую выдавецкую і асветніцкую дзейнасць. Прызнаюся шчыра: у той час я паабяцала сама сабе, што ніколі больш не буду брацца за стварэнне беларускай суполкі ў Вентспілсе — такой вялікай была мая крыва і разгубленасць.

Калі ж два гады назад да мяне ў рэдакцыю ўсё той жа гарадской газеты, якая цяпер называецца «Вентас Балсс», зноў прыйшлі людзі, якія размаўлялі па-беларуску, доўга ўгаворваць мяне ім не прыйшлося. 22 студзеня 1999 г. у Вентспілсе нарадзілася беларуская суполка «Спадчына». Яе заснавалі 10 асоб пры вельмі актыўнай падтрымцы і дапамозе Рыжскага беларускага таварыства «Прамень», якому нядаўна споўнілася 10 год. Але на першым жа сходзе беларусаў Вентспілса ў суполку запісалася ўжо больш як 100 чалавек. Узначальвае яе праўленне Мікалай Жаўрыд, інжынер адной з будаўнічых арганізацый. Яго намесніцы — Валянціна Краснапёрава і я.

Не скажу, што беларуская суполка ў Вентспілсе працуе вельмі актыўна. У асноўным уся работа суполкі ляжыць на плячах Валянціны Краснапёравай — у нядаўнім мінулым настаўніцы, якая, аднак, была вымушана пайсці на пенсію пасля таго, як Закон аб дзяржаўнай мове стаў больш жорсткім. Дзякуючы, галоўным чынам, яе намаганням, суполка цяпер даволі адчuvальна дапамагае беларусам Вентспілса вырашаць пытанні з афармленнем віз у Беларусь, арганізуе сустрэчы з супрацоўнікамі беларускага пасольства

ў Латвіі, сустрэчы за святочным сталом — з беларускімі песнямі, жартамі. У пачатку 2000 г. мы набылі ў Мінску некалькі беларускіх нацыянальных касцюмаў і спрабуем стварыць сваю мастацкую самадзейнасць. Ёсьць задума арганізаваць беларускую нядзельную школу, прымадзь у сябе гасцей з Беларусі, ездзіць самім часцей на радзіму. Ажыццяўленню ўсіх нашых планаў перашкаджаюць пакуль што вядомыя матэрыяльныя праблемы. Але мы не губляемся і спадзяємся, што калі-небудзь усё гэта ў нас будзе. Вялікі дзякую за дапамогу і падтрымку і пасольству Беларусі ў Латвіі, і вентспілскім прадпрыемствам, асабліва тым, якія маюць партнёраў у Беларусі, напрыклад, Акцыянернаму таварыству «Калія-парк», якое перагружае ў порце беларускі калій.

Станаўленне беларускай суполкі ў Вентспілсе прыйшлося на той час, калі ў нашым горадзе даволі актыўна распачалася грамадская інтэграцыя, хаця ў цэлым у краіне яна існуе пакуль што больш на канцептуальным узроўні. Дастаткова сказаць, што Закон аб грамадзянстве Латвійскай Рэспублікі ўсё яшчэ неадназначна ўспрымаецца ў ўсходнеславянскіх інстытуцыях. Латвія дагэтуль не ратыфікаўала Еўрапейскую канвенцыю па правах нацыянальных меншасцей, пакуль што не прыняла Закон аб нацыянальных меншасцях, не створаны Фонд інтэграцыі. А вылучэнне ў якасці галоўнага механізма інтэграцыі латышскай мовы і латышскай культуры можа не ўзабаве замест інтэграцыі прывесці да асіміляцыі. На мой погляд, адна з прычын такой сітуацыі тоіца ў недасканаласці заканадаўства. Адна з галоўных праблем сённяшняй Латвіі — асабліва ў кантэксле яе намаганняў як мага хутчэй увайсці ў Еўрапейскі Саюз — заключаецца ў тым, што вельмі вялікая частка нелатышоў, у тым ліку і беларусаў, выключана з актыўнага палітычнага жыцця, бо не мае грамадзянства Латвійскай Рэспублікі. Пасля рэферэндума, што адбыўся ў мінулым годзе, былі адменены так званыя «вокны» натурализациі, і практична кожны, хто мае статус сталага жыхара, можа прэтэндаваць на грамадзянства Латвійскай Рэспублікі. Але для гэтага кожнаму трэба здаць экзамены па латышскай мове і гісторыі Латвіі, а таксама заплаціць у дзяржавную казну прыкладна 50 долараў ЗША. І тое, і другое цяжка зрабіць людзям пажылага ўзросту. Многім прадстаўнікам некарэннай нацыянальнасці, якія, аднак жа, нарадзіліся ў Латвіі і лічаць яе сваёй радзімай, няпроста пераадолець псіхалагічны бар’ер і часткова зразумелую крыёду на тое, што грамадзянства ім прapanуюць «купіць» за гроши, даказаць веданне латышскай мовы, гісторыі і Канстытуцыі Латвіі. Праўда, сярод найбольш адукаванай моладзі такія настроі амаль не назіраюцца — прагматычныя маладыя людзі, здаецца, не жадаюць дарэмна губляць час на крыёды і пошуку прауды, без асаблівых цяжкасцей праходзяць экзамены і імкнуща знайсці сваё месца ў досыць жорсткай канкурэнцыі на рынку працы. Як я ўжо гаварыла раней, больш за паўмільёна жыхароў Латвіі не з’яўляюцца яе грамадзянамі, але грамадзянамі якой-небудзь іншай краіны. А прадстаўнікі нацыянальных

меншасцей не карыстающа аднолькавымі з карэннай большасцю насельніцтва сацыяльнымі гарантыйямі — галоўным чынам з-за праблем з латышскай мовай. Нарэшце, вялікая частка латвійцаў іншых нацыянальнасцей, не маючы грамадзянства той краіны, дзе яны жывуць, не ўдзельнічае ў дзяржаўным і мясцовым кіраванні.

Выключэннем з агульнай сітуацыі, якая пакуль што захоўваецца ў Латвіі, стаў менавіта наш горад Вентспілс — дзякуючы разумнай палітыцы гарадской улады на чале з яе кірауніком Айварам Лембергам, вядомым сваёй энергічнасцю і прадпрымальнасцю не толькі ў Латвіі, але і ў Расіі, і ў Беларусі. Па асабістай ініцыятыве вентспілскага мэра ў канцы 1999 г. пачалася работа над гарадской Програмай інтэграцыі грамадства. А ўжо ў маі 2000 г. Програма была прынята на Форуме інтэграцыі. Галоўной мэтай было абвешчана змяншэнне сацыяльной і этнічнай падзеленасці грамадства; наладжванне паставяннага і выразнага дыялогу паміж жыхарамі і інстытуцыямі муниципальнага кіравання; садзейнічанне якаснаму авалодванню і творчаму развіццю латышскай мовы і культуры; а таксама — асваенню кожнай нацыянальнай меншасцю сваёй культурнай спадчыны. Улічваючы той факт, што ў гарадской думе, думскіх камісіях і іншых структурах нацыянальныя меншасці прадстаўлены вельмі слаба (5,2%) і што амаль трэцяя частка падаткаплацельшчыкаў не ўдзельнічае ў гарадскім самакіраванні, пры гарадской думе — па ініцыятыве нашага мэра — некалькі месяцаў таму быў створаны Кансультатыўны савет па пытаннях неграмадзян, надзелены статусам думскай камісіі. Гэты акт вентспілскага гарадскога самакіравання выглядае сапраўды прагрэсіўна на фоне астатніх Латвіі. У пэўным сэнсе Кансультатыўны савет неграмадзян дазваляе кампенсаваць адсутнасць у амаль трэцяй часткі вентспілчан выбарчых правоў. Праз Кансультатыўны савет неграмадзяне атрымалі магчымасць разам з грамадзянамі ўзяць на сябе і адказнасць за лёс свайго горада.

Кансультатыўны савет працуе ў нашым горадзе ўсяго некалькі месяцаў. Аналагай яму няма не толькі ў Латвіі, але, напэўна, і на астатніх тэрыторыях былога СССР. Але мы спадзяємся, што волыт першага рэальнага органа самакіравання нацыянальных меншасцей, створаны ў нашым горадзе, дапаможа нам больш паспяхова абараніць інтарэсы нацыянальных меншасцей, паскорыць працэс натуралізацыі вентспілчан і атрымання імі грамадзянства Латвіі; будзе садзейнічаць больш добразычлівым адносінам паміж жыхарамі карэннай і некарэнных нацый, прадухіліць асіміляцыю нацыянальных меншасцей, будзе садзейнічаць больш паспяховаму развіццю нацыянальна-культурных суполак (іх сёння ў Вентспілсе — 11) і нацыянальных культур, а таксама ўзаемадзеянню розных культур, прадстаўленых у Вентспілсе і Латвіі.

Кіраўнік місіі АБСЕ ў Латвіі Торстен Орнс, пазнаёміўшыся з вентспілскай Програмай інтэграцыі грамадства, шчыра здзвіўся і ахарактарызаваў яе так: «Гэта вялізны скажок з Савецкага Саюза ў Еўрапейскі Саюз...»

У кастрычніку ў Вентспілсе адбылася яшчэ адна падзея, якая стала наступным крокам на шляху інтэграцыі грамадства — 8 з 11 нацыянальна-культурных суполак Вентспілса, у тым ліку і беларуская суполка «Спадчына», аб'ядналіся ў асацыяцыю.

Мы спадзяемся, што інтэграцыя ў Вентспілсе ператворыцца ў шматголосны, шматнацыянальны канструктыўны дыялог, дзе сваё месца знайдзе і беларуская суполка «Спадчына».

Вячка Целеш (Рыга)

БЕЛАРУСКАЯ ШКОЛА Ў ЛАТВІІ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАЕ

МІНУЛАЕ БЕЛАРУСКАЙ ШКОЛЫ

Гісторыя беларускай школы ў Латвії пачынаеца з 1921 г. У 1920 г. латышскі народ, вызваліўшы сваю зямлю ад расійскага імперскага дынямецкага панавання, пачаў актыўна будаваць сваю незалежную дзяржаву. Даўнія жыхары гэтай зямлі беларусы, якіх у той час у Латвії налічвалася каля 70 тыс., атрымалі статус нацыянальнай меншасці, грамадзянства і права на культурную аўтаномію, развіццё культурна-асветнай дзейнасці для захавання сваёй ідэнтычнасці. Культурна-асветная дзейнасць беларусаў распачалаася з 1921 г. менавіта ў Латгаліі, якая ў часы Расійскай імперыі ўваходзіла ў Віцебскую губерню і дзе жыло найбольш беларусаў. У тым жа годзе мясцовая беларуская інтэлігенцыя ў Даўгаўпілсе (Дзвінску) заснавала Беларускае культурна-асветнае таварыства «Бацькаўшчына». Адразу ж гэтым таварыствам у вёсках і гарадах Даўгаўпілскага і Лудзенскага раёнаў былі створаны аддзяленні таварыства, якія заняліся арганізацыяй настаўніцкіх курсаў і адкрыццём беларускіх пачатковых школ.

Пасля адкрыцця каля 20 беларускіх школ па заяве «Бацькаўшчыны» і з дапамогай вядомага латышскага паэта і сябра беларусаў Я. Райніса, міністра адукацыі і дэпутата латвійскага Сейма, пастановай Кабінета міністраў Латвійскай Рэспублікі ў 1921 г. быў адкрыты Беларускі аддзел пры Міністэрстве асветы Латвіі. У аддзеле працавалі кваліфіканыя і вядомыя педагогі, беларускія патрыёты Кастусь Езавітаў і Сяргей Сахараў. Створаны Беларускі аддзел займаўся кіраваннем, кантролем створаных і арганізацыяй новых беларускіх школ у Латвіі. Са з'яўленнем аддзела ў 1922 г. у Даўгаўпілсе і Лудзе былі адкрыты дзяржаўныя беларускія гімназіі. У 1924 г. у Рызе, у Латгальскім прадмесці (вул. Маскоўская, 173) была адчынена 1-я Беларуская асноўная школа, а ў Саркандаўгаве (вул. Сіманя, 14/16) — 2-я Беларуская асноўная школа. У 20-х гг. у Латвії дзейнічала больш за 50 беларускіх школ.

У пачатку 30-х гг. у Рызе акрамя асноўных беларускіх школ працавалі беларускія школы для дарослых: на вул. Сіманя (вячэрняя беларуская асноўная школа) і на вул. Маскоўскай (Беларуская вячэрняя гімназія імя Францішка Скарыны). У Рызе меліся таксама дзве прыватныя беларускія школы: па вул. Сіманя — прыватная Беларуская пачатковая школа для дарослых, а па вул. Брыўзэмніека (у Прадаўгаве) — прыватная Беларуская асноўная школа.

З усіх беларускіх школ Латвіі найбольш вядомай была Даўгаўпілская дзяржаўная гімназія, якая мела добрыя памяшканні па вул. Варшаўскай, 16. У яе была добрая матэрыяльна-тэхнічная база з слясарна-такарнай, сталярна-такарнай майстэрнямі для хлопцаў і шавецкатацкай майстэрній для дзяўчат. Працавалі ў гімназіі і гурткі: драматычны, літаратурна-гістарычны, мастацкі, фотаграфічны, радыётэхнічны і інш. Меліся таксама балетны і спартыўны гурткі, гімназічны хор і струнны аркестр.

Нягледзячы на тое, што Латвія тады толькі пачала будаваць сваю дзяржаву, яе эканоміку, яна амаль да 1934 г. шмат дапамагала беларускім школам, нават прыватныя атрымоўвалі частковую дзяржаўную дапамогу. У беларускіх школах вучняў з бяднейшых сямей вызывалялі ад аплаты за вучобу, а некаторыя з іх нават атрымоўвалі бясплатнае харчаванне. Таму і вялі беларусы сваіх дзяцей не ў рускія ці латышскія школы, а ў свае, нацыянальныя, хоць і ведалі, што пасля заканчэння беларускай школы ці гімназіі вучні не паедуць паступаць у навучальныя ўстановы Беларусі, бо там была Савецкая дзяржава, а ў Латвіі — капіталізм. Аднак, атрымаўшы добрыя веды як па латышскай мове, так і па іншых предметах, вучні паспяхова паступалі і заканчвалі латышскія навучальныя ўстановы.

Хаця беларускія школы не атрымлівалі падручнікаў з Беларусі, яны, аднак, добра забяспечваліся Беларускім выдавецтвам у Латвіі, а таксама Беларускім выдавецтвам у Вільні, дзе іх друкавалі. І хоць многа школы для беларускага асветніцтва зрабілі ворагі беларушчыны Латвіі і асабліва сфабрыкаваны імі ў 1925 г. «беларускі працэс», аднак адраджэнне беларусаў і дзейнасць беларускіх школ свабодна працягваліся аж да 1934 г. Але з прыходам да ўлады шляхам перавароту аўтарытарнага презідэнта Латвіі Карліса Ульманіса ў краіне пачаўся працэс латышызацыі, найперш у Латгаліі, дзе менш за ўсё жыло латышоў. З 1934 г. нацыянальныя школы ў гэтым рэгіёне былі ліквідаваны. Усе беларускія, польскія і рускія школы былі аўтадананы ў т. зв. змешаныя школы з латышскім ухілам. І толькі ў Рызе захавалася некалькі беларускіх школ, а астатнія, не атрымаўшы дастатковай фінансавай дапамогі, былі зачынены. Беларускія школы ў Рызе працавалі і з прыходам у 1940 г. у Латвію Чырвонай Арміі. У час нямецка-фашистыскай акупацыі яны былі зноў адкрыты — як у Рызе, так і ў Латгаліі. І толькі калі ў Латвіі пасля вайны ўсталяваўся савецкі рэжым, беларускія школы, як і іншыя нацыянальныя, акрамя рускіх, перасталі існуваць, а іх настаўнікі былі рэпрэсаваны.

У 1988 г., калі пачалося латышскае Адраджэнне, у Рызе было заснавана Латвійскае таварыства беларускай культуры «Сьвітанак», арганізатарамі якога выступілі нацыянальна свядомыя беларусы Вячка Целеш, Сяржук Кузняцоў, Уладзімір Вусік і іншыя. Адной з галоўных задач таварыства было ўзнаўленне дзейнасці беларускай школы ў Латвіі. З-за таго, што беларускае адраджэнне ў самой Беларусі запазнялася, цяжка было знайсці ў Рызе бацькоў-беларусаў, якія згадзіліся б у той час весці сваіх дзяцей у беларускую нацыянальную школу. Але спачатку яны прывялі дзяцей у Беларускую мастацкую студыю «Вясёлка», якая была заснавана ў 1989 г. намеснікам старшыні «Сьвітанку» В. Целешам і пачала працаваць у Доме культуры прафсаозаў Латвіі (вул. Амату, 5). Акрамя заняткаў па маляванню дзеці ў асобным класе вывучалі беларускую мову і літаратуру — і гэта быў пачатак рыжскай Беларускай нядзельнай школы. У 1993 г. Управа школ Латгальскага прадмесця Рыгі па заяве «Сьвітанку» пры 15-й Рыжскай сярэдняй рускамоўнай школе (вул. Вісвалжа, 9), дзе ўжо месцілася студыя «Вясёлка», адкрыла Беларускую нядзельную школу, у якой выкладаліся беларуская мова і літаратура, а таксама асновы гісторыі і культуры Беларусі. Гэтая школа існавала да 1998 г. Аднак з-за таго, што яе перастала фінансаваць Латвійская дзяржава, з-за цяжкага эканамічнага становішча колькасць вучняў у ёй зменшылася да трох чалавек, таму школа перастала працаваць. Некаторыя выпускнікі рыжскай Беларускай нядзельнай школы цяпер вучацца ў ВНУ Беларусі.

У 1993 г., калі над Беларуссю лунаў дзяржаўны бел-чырвона-белы сцяг і ішло беларускае адраджэнне, пры той жа рускамоўнай школе ў Рызе была адчынена падрыхтоўчая група да першага беларускага класа, а 1 верасня 1994 г. па пастанове Камітэта па адукацыі, справах моладзі і спорту Рыжскай думы Управа школ Латгальскага прадмесця Рыгі па заяве ЛТБК «Сьвітанак» адчыніла першы беларускі клас будучай нацыянальнай школы. У 1995 г. першы і другі беларускія класы былі прыпісаны да рускамоўнай 75 Рыжскай сярэдняй школы-гімназіі, аднак працавалі яны асобна, у дзіцячым садзе № 220 (вул. Огрэс, 8). У 1996 г. 1–3 класы вытрымалі дзяржаўную акредытацыю як пачатковая школа, а ў 1998 г. ужо 1–5 беларускія класы прайшли другую дзяржаўную акредытацыю як асноўная школа. 6 кастрычніка 1998 г. пастановай Рыжскай думы беларускім класам быў нададзены статус Беларускай асноўнай школы. У 1999 г. яна атрымала частку памяшкання ў дзіцячым садзе № 254 (вул. Акадэміка М. Келдыша, 4), дзе цяпер месціцца ўся беларуская школа. У ёй сёлета працуе сем класаў з 64 вучнямі і падрыхтоўчая група да першага класа. Заняткі ў школе вядуцца на беларускай, рускай і латышскай мовах па праграме латвійскай адукацыі. Паколькі экзамены ў старэйшых класах павінны будаць здавацца на рускай і латышскай мовах, а ў Міністэрстве адукацыі Латвіі няма беларускага аддзела, які мог бы інспектаваць і прымаць экзамены на беларускай мове, а таксама няма мясцовых

беларускіх падручнікаў пад латвійскую праграму, але яны ёсьць на рускай і латышскай мовах, таму некаторыя прадметы даводзіцца выкладаць на рускай мове.

Увогуле ж палітычнае, эканамічнае і нават дэмографічнае становішча ў сучаснай Латвіі намнога адрозніваецца ад становішча ў 20–30-х гг., калі ў краіне дзеянічала шмат беларускіх школ. У пачатку 30-х гг. у Рызе пражывала каля 5 тысяч беларусаў, а беларускіх школ тады тут было шэсць. Цяпер у Рызе пражывае каля 30 тысяч беларусаў, аднак у адзіную беларускую школу цяжка набраць нават сто вучняў.

Безумоўна, ёсьць шмат прычын і фактараў, чаму беларускія дзецы не ідуць у беларускую школу, а папаўняюць рускамоўныя. Адзін з такіх фактараў — русіфікацыя беларусаў, як і іншых нацыянальнасцей, у часы савецкай улады, калі выхоўваліся сённяшнія бацькі вучняў. Другі фактар — сучасны стан Беларусі, дзе фактычна няма беларускіх ВНУ, а ўжыванне беларускай мовы, хоць яна і лічыцца дзяржаўнай, вельмі абмежавана. Гэтыя і іншыя прычыны, безумоўна, упłyваюць на беларусаў Латвіі, бо яны ж маюць пастаянную сувязь з этнічнай радзімай.

Усё яшчэ недастатковая матэрыяльная падтрымка, якую атрымлівае школа з Беларусі. Зразумела, пра рыйскую Беларускую асноўную школу ведаюць у Беларусі і дапамагаюць ёй патроху. У 1999 г. Рэспубліка Беларусь выдзеліла 10 тысяч долараў на рэканструкцыю памяшкання, але ж на гэта трэба не менш 50 тысяч долараў.

Да 2000 г. Беларуская дзяржава поўнасцю забяспечвала школу падручнікам і падпіснымі выданнямі школьнай перыёдкі, а настаўнікі штогод мелі магчымасць бясплатна павышаць сваю кваліфікацыю на курсах у Мінску. На жаль, сёлета беларуская школа не змагла атрымаць усе заказаныя падручнікі, а падписаную перыёдку ўвогуле не атрымала. З-за фінансавых цяжкасцей не змаглі сёлета нашы педагогі павысіць сваю кваліфікацыю ў Мінску. Не атрымала школа і мэблю для класаў, заказаную ў мінулым годзе.

У даваенны час беларускім школам у асноўным дапамагала Латвійская дзяржава і крыху бацькоўскі фонд школы. Цяпер яна аплочвае працу настаўнікаў, арэнду памяшкання і яго абслугоўванне, на астатніяе, асабліва на рэканструкцыю і стварэнне матэрыяльна-тэхнічнай базы школа не атрымала ад яе грошай. Толькі сёлета Рыйскае самаўпраўленне выдала 17 камп'ютараў. Невялікую дапамогу беларуская школа атрымоўвае ад мясцовых фундатараў-беларусаў ці фірмаў, звязаных з Беларуссю. Гэта Янка Кабановіч, Васіль Трафімчык, Васіль Зайцаў, Валянціна Піскунова, фірмы «Нёман», «Элпіс», Гандлёвы дом «Беларусь». Вядома, гэта падтрымка не вельмі вялікая і нерэгулярная.

Латвійская дзяржава найперш клапоціцца пра школы, якія працујуць на дзяржаўнай мове, і імкнецца ліквідаваць рускамоўныя школы, якіх у краіне амаль столькі, колькі і латышскіх. Дзяржаўныя чыноўнікі менш удзяляюць увагі нацыянальным школам і рапаць ім звяртацца за дапамогай да этнічнай

радзімы. Безумоўна, этнічная радзіма павінна не стаяць убаку і дапамагаць сваім дзесям, якіх лёс закінуў у Латвію. Такая дапамога павінна быць пастаяннай і афіцыйнай, для чаго трэба падпісаць двухбакове пагадненне паміж міністэрствамі адукцыі Беларусі і Латвіі. На жаль, такога пагаднення пакуль што няма, яно яшчэ толькі распрацоўваецца. Яно павінна забяспечыць дапамогу з боку абедзвюх дзяржаў, застрахаваць школу ад закрыцця і даць прыярытэт выпускнікам школы, якія захочуць атрымаць вышэйшую адукцыю ў Беларусі. У выніку бацькі будуть зацікаўлены, каб пасылаць сваіх дзяцей у беларускую школу, палепшыцца матэрыяльна-тэхнічная база і ўвогуле ўзрасце прэстыж школы.

Добрая, моцная беларуская нацыянальная школа ў Латвіі павінна не толькі выхоўваць у беларусаў нацыянальную свядомасць дзеля таго, каб захаваць нашу дыяспару ад асіміляцыі, але і дапамагаць ім інтэгравацца ў Латвійскую дзяржаву, узбагачацца латышскай культурай, садзейнічаць дыялогу паміж беларускім і латышскім этнасамі.

Канстанцін Шыдлоўскі (Браслаў, Беларусь)

ДАПАМОГА БЕЛАРУСА З ЛАТВІІ КРАЯЗНАЎЧАМУ МУЗЕЮ Ў БРАСЛАВЕ

У памяшканні Браслаўскага гісторыка-краязнаўчага музея разгорнута выстаўка рэчаў прыватнага калекцыянера Міколы Паўловіча. Гэта не першая ў нас экспазіцыя прыватных зборальнікаў даўніны, але яна асаблівая tym, што складаецца з экспанатаў, якія ўладальнік падараўваў намашму музею.

Мікола Паўловіч жыве ў Даўгаўпілсе, але паходзіць з Беларусі. Ён нарадзіўся ў 1956 г. у гарадку Карэлічы, што на Гродзеншчыне. У савецкія часы атрымаў адукцыю гісторыка ў Латвійскім дзяржаўным універсітэце. Цяпер Мікола працуе не па спецыяльнасці, аднак захаваў цікавасць да гісторыі, краязнаўства, зборальніцтва даўніны. Ён падтримлівае сувязі з беларускімі даследчыкамі, цікавіцца навінкамі літаратуры па гісторыі Беларусі, сам збірае матэрыялы па гісторыі беларусаў у Латвіі. Актыўны сябра беларускага таварыства ў Даўгаўпілсе, ён з'яўляўся дэлегатам з'ездаў беларусаў свету ў Мінску.

М. Паўловіч даволі часта бывае на Браслаўшчыне. Тут, у вёсцы Ахрэмачы, жывуць бацькі яго жонкі Вольгі, а ў Браславе — цётка жонкі. Так што частку сваёй даволі вялікай калекцыі Мікола збіраў на Браслаўшчыне.

Першае знаёмства супрацоўнікам музея з суайчыннікам адбылося ў 1995 г. Тады ён падараваў музею медны віцмундзірны гузік XIX ст. Гэтая сустрэча стала пачаткам трывалага супрацоўніцтва, цікавага для абодвух бакоў. Неўзабаве Мікола перадаў у музей шэраг рэчэй, знайдзеных на месцах былога Бяльмонцкага маёнтка, дакументы, побытавыя прадметы з розных вёсак Браслаўшчыны. За чатыры гады М. Паўловіч ахвяраваў музею каля 500 разнастайных экспанатаў. Сярод іх — старадаўнія рэчы, манеты, папяровыя гроши, паштоўкі, дакументы, кнігі, газеты і г. д. Адметна тое, што паступова Мікола стаў дапамагаць музею збораць гістарычны матэрыял — у прыватнасці, да зборніка «Браслаўскія спыткі».

У 1997 г. М. Паўловіч выступіў на Браслаўскіх чытаннях і падараваў музею вельмі рэдкую манету — 10 грошай, якія былі адчаканены ў 1831 г. паўстанцамі ў Варшаве. Сёлета ён удзельнічаў у чарговай канферэнцыі. Яго выступленне было прысвечана вядомым выхадцам з Браслаўшчыны, якія жывуць у Латвіі. М. Паўловіч з'яўляецца сябрам Браслаўскага краязнаўчага таварыства, якое дзейнічае пры музеі.

Некаторыя прадметы, падараваныя музею Паўловічам, знайшли сваё месца ў стацыянарнай экспазіцыі музея, большасць жа папоўніла фонды. Яны экспануюцца на часовых выстаўках. Так, у канцы мінулага года музей выстаўляў калекцыю бутэлек XIX—XX стст., ці не палову якой складалі падарункі М. Паўловіча (у музей ён перадаў звыш 150 бутэлек).

І вось упершыню рэчы, перададзеныя М. Паўловічам у музей, дэманструюцца на асобнай выстаўцы. Пры яе падрыхтоўцы аказалася, што ўсе прадметы паказаць немагчыма — не хапае месца. Абмежаваліся найбольш цікавымі. Некалькі стэндаў займаюць старажытныя рэчы. Сярод іх — бронзавае царкоўнае ліццё XIX — пач. XX ст., люстэрка пач. XX ст., драўляная скульптура святога, посуд, адмысловая кафля.

Цікава разглядаць падборкі паштовак зрэпрадукцый твораў вядомых мастакоў. Шмат месцаў займаюць кнігі і дакументы. Змешчаны «Трэбнік» канца XVIII ст., падручнікі, рэлігійныя выданні, часопісы, у тым ліку нумар папулярнага геаграфічнага часопіса «Вокруг света» пачатку стагоддзя. Ёсьць цікавыя дакументы з наваколля Дрысвятаў пачатку XX ст., з архіва друйскага святара Сімяона Кузьміча, які жыў тут у 40—50-я гг.

Хацелася б падкрэсліць наступную акалічнасць: усе экспанаты М. Паўловіч перадаў музею бясплатна. Калі пра гэта даведваюцца наведвальнікі выстаўкі, то часам чуеш: «Дзівак...» Няхай сабе і дзівак! Але заўважым, што гэты свет цікавы менавіта дзівакамі, адданымі сваёй справе, шчырымі і бескарыслівымі. Гэтая выстаўка — даніна пашаны аднаму з іх, беларусу з латвійскага Даўгаўпілса Міколе Паўловічу. Нядаўна ён быў гостем музея, сустракаўся з яго супрацоўнікамі, расказваў пра цікавыя экспанаты, абставіны іх знаходак і выслушаў шмат слоў удзячнасці ў свой адрес.